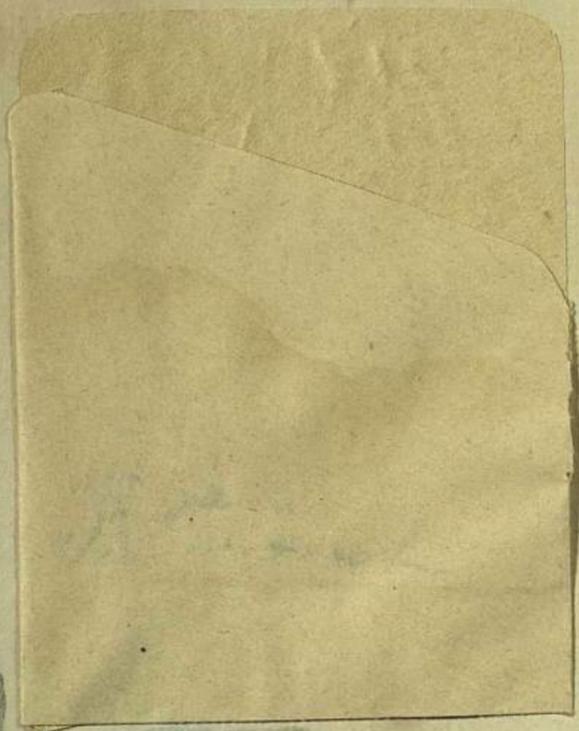

АРХИМЕД ОВКИ ГРУШИНА

ДЕТГИЗ 1947

ЮРИЙ СОТНИК

С-67

Вовки Трущина

РИСУНКИ Г.ВАЛЬКА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

«Архимед» Вовки Грушина	3
Белая крыса	21
Везем картошку	36
В темном парадном	55
«Калуга» — «Марс»	68

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва,
М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

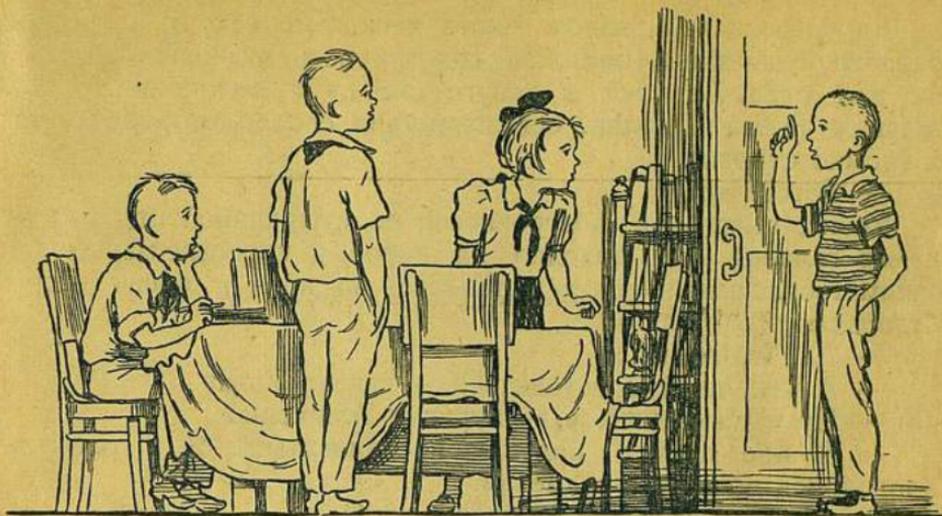
694944 кк ред

Российская государственная
детская библиотека

Для младшего и среднего возраста

Ответственный редактор Е. Костромина. Художественный редактор Б. Дехтерев. Технические редакторы
И. Румянцева и В. Артамонов. Корректоры А. Вранич и Е. Грушкова. Подписано к печати 26/IV 1947 г.
5½ п. л. (4,5 уч.-изд. т.). 30 784 зн. в п. л. Тираж 30 000 экз. А06002. Заказ № 3341. Цена 4 руб.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сушевский вал, 49.

«АРХИМЕД» ВОВКИ ГРУШИНА

Я решил записать эту историю потому, что когда Вовка станет знаменитым, она будет представлять большую ценность для всего человечества.

Я сам лично принимал участие в испытании одного из Вовкиных изобретений. Мне за это здорово нагорело от матери и пионервожатых.

Началось все это так.

Андрюшка, его соседка Галка и я готовились к экзамену по географии. Мы сидели в комнате у Андрюшки. Нам очень не хотелось заниматься. За окном было лето, выходной день, а у подоконника на карнизе прыгал воробей, чирикал и точно говорил нам: «Не поймать, не поймать вам меня!» Но мы даже не обращали внимания на воробья и спрашивали друг у друга названия союзных и автономных республик.

Вдруг раздался звонок. Через несколько секунд с треском распахнулась дверь комнаты. Пошатнулась этажерка, полетел на пол стул. Воробей в испуге слетел с подоконника. Это пришел Вовка Грушин. Он прищурил свои близорукие глаза и громко спросил:

— Готовитесь?

Вовка, маленький, востроносый, со стриженной под первый номер головой, сам походил на воробья, который мешал нам заниматься. Галка сердито уставилась на него и очень строго ответила:

— Да, готовимся.

— А мне некогда готовиться, — сказал Вовка.

— Ну и провалишься, — буркнул Андрюшка.

— А мне некуда больше проваливаться. Я и так уже провалился по двум предметам.

Галка так и заерзала на своем стуле.

— И он еще радуется!

Вовка вздернул острый, успевший облупиться от загара нос.

— А ты почему знаешь? Может, мне стоит потерять один год.

Галка уставилась на Вовку:

— Это ради чего же стоит?

— Ну, хотя бы ради одного изобретения.

— Какого?

Вовкино лицо стало непроницаемым.

— Это тайна.

У Вовки что ни изобретение, то роковая тайна.

Мы знали это и не стали расспрашивать. Он быстро, огромными шагами начал ходить по комнате.

— Я к вам на минутку. Андрюшка, дай мне твои плоскогубцы, мои сломались. Это, понимаешь, такое изобретение, такое изобретение!.. Огромное значение для военного дела. Я сегодня еду на дачу... буду там работать. Досада, средств нехватает! Я три месяца в кино не ходил: все копил средства. Вот увидите, все газеты будут кричать. Где достать лампочки для карманного фонаря? Не знаете? Жаль! На этой штуке можно будет хоть вокруг света объехать...

— Самолет? — спросил Андрюшка, передавая Вовке плоскогубцы.

— Самолет! Индюк ты... Получше будет... Я за это лето построю...

Тут он вспомнил, что это тайна, и прикусил язык. Галка спросила его с надеждой:

— А тебе, наверное, здо-орово попало за то, что ты остаешься на второй год?

— Попало, конечно. Эдисону тоже кое за что попадало. Главное, не надо никакого топлива. Ну, пока, товарищи! Масса дел. В лагерь едете? А я не поеду. Родные посылали, а я наотрез отказался.

— А за это попало? — спросила Галка.

— Ну и что ж! — отвечал Вовка. — Я все равно отбрыкался. В лагере мне нельзя работать.

— А в техкружке?

— Чепуха! В техкружке всякие модельки строят, а у меня — мировое дело. Ну, пока! Пошел. Да!.. Чуть не забыл! Мы сняли дачу в двух километрах от лагеря. Буду заходить. Только не болтайте никому. Это такое дело, такое дело!..

Размахивая руками, Вовка пятился к двери, пока снова не ткнулся в этажерку, на этот раз так сильно, что с нее упал гипсовый бюстик Архимеда. Вовка подхватил его на лету.

— Это кто? — спросил он.

— Архимед, — ответил Андрюшка.

— Гм! Архимед... Архимед... Это, наверное, какой-нибудь знаменитый человек... — Вовка помолчал, разглядывая бюст. — У него симпатичное лицо, у этого Архимеда. О!.. Вот увидите, это имя благодаря мне станет дважды знаменитым.

— Не какой-нибудь знаменитый... — начал было Андрюшка, но Вовка скрылся.

Галина постукала себя карандашом по лбу и посмотрела на нас.

Как только наступили каникулы, мы переехали в лагерь. Мы прожили там десять дней, а Вовка не появлялся. Только на одиннадцатый день мы встретились с ним при загадочных обстоятельствах.

На маленькой речке возле лагеря у нас имелись две плоскодонные лодки. Наши техкружковцы переоборудовали их в крейсера «Аврора» и «Марат». С боков у лодок были сделаны гребные колеса, которые приводились в движение руками. На носу у каждого крейсера возвышалась броневая башня из фанеры. Там мог поместиться человек, если сидеть на корточках.

Иногда мы устраивали морские сражения. Происходило это так. Человек восемь занимали места на «Авроре» и десяток — на «Марате». Все вооружались жестяными кружками (легкая артиллерия); кроме того, на обоих крейсерах имелось по одному тяжелому орудию — ведру.

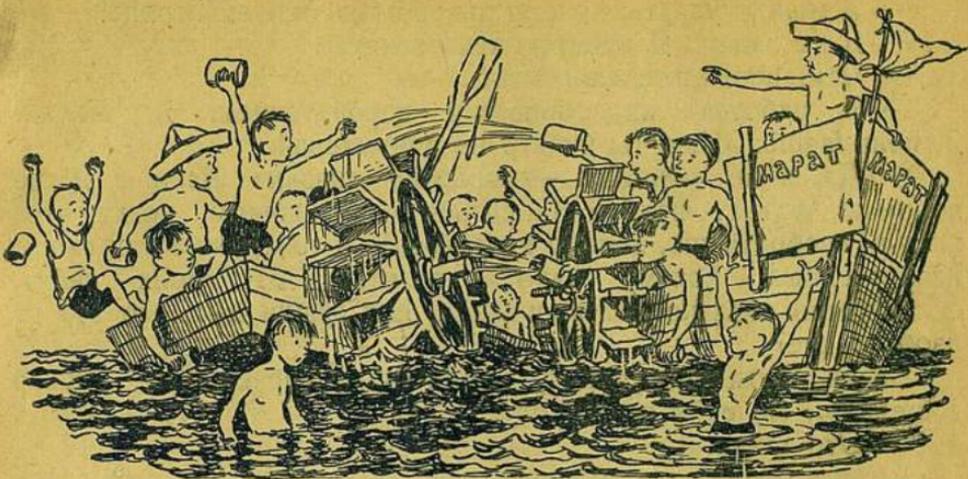
Река возле лагеря была неглубокая, не больше метра глубиной. Суда маневрировали друг возле друга, ребята черпали кружками воду и выплескивали ее в противника. Дым стоял коромыслом! Каждую секунду восемнадцать кружек воды выплескивалось в лодки; на обоих берегах орал ребята, разделившиеся на «красных» и «синих». Кончалось тем, что одна из лодок шла ко дну. Экипаж ее, фыркая, выбирался на берег. Тогда деревянный крейсер всплывал, и его уводили победители.

В тот день я был на «Авроре». «Марат» подошел вплотную и взял нас на абордаж. После ожесточенной схватки шестеро из нас оказались за бортом. В «живых» остались только Галина и я. Мы бросились удирать. Голосающий «Марат» следовал за нами метрах в пяти. Я вертел колеса так, что от меня пар шел. Толстая Галка пыхла на корме и плескалась из кружки, целясь в лицо капитану «Марата».

Вдруг капитан «Марата» взял длинную веревку, сделал из нее петлю и накинул ее на Галку. Та заверещала. Не разобрав, в чем дело, я завертел еще быстрее. Галина, конечно, выбыла из строя. Только брызги полетели.

Я перестал вертеть колеса. «Марат» подошел вплотную. Капитан его заявил, что берет нас в плен. Неприятельские матросы подтянули на аркане Галину и втащили ее к себе.

— Все в порядке, — сказал мне капитан. — Принимай буксир!

Но тут мы услышали, что кто-то продолжает плескаться у борта. Я оглянулся. Это был Вовка Грушин. Он плевался на все стороны и тихонько ругался.

— Вовка! Ты откуда?

— Из воды, — ответил он. — Вы меня сбили с моего плота. Во-он мой плот. Догоните его!

По речке медленно плыли два плохих связанных бревна.

«Марат» подошел к лагерю. За ним на буксире тащились «Аврора» и Вовкин плот.

Капитан «Марата» рапортовал начальнику штаба «синих»:

— Крейсером «Марат» под моей командой захвачено неприятельское судно «Аврора» вместе с остатками экипажа. Кроме того, арестована подозрительная личность, разъезжавшая вдоль побережья на двух бревнах будто бы с целью исследования фарватера.

Старший вожатый Леля поманила Вовку к себе:

— Ну-ка, подозрительная личность, подойди сюда!

Вовка подошел. Их окружили ребята.

— Скажите мне, подозрительная личность, вы, кажется, живете недалеко от лагеря?

— Два километра.

— А можно узнать, почему вы забыли о своем отряде?

— Я не забыл. Я просто очень занят.

— Чем, позвольте спросить?

— Я работаю над большим изобретением. Я, Леля... Я, понимаешь... Нет, ты ничего не понимаешь!

— Да, я не понимаю, — серьезно сказала Леля. — Я не понимаю, почему надо становиться отшельником, когда что-нибудь изобретаешь, почему не работать в техкружке над своим изобретением, почему надо отделяться от своих ребят, с которыми столько лет проучился. Ну, скажи мне, что это за изобретение?

Вовка оттянул резинку промокших оранжевых трусов и щелкнул ею себя по животу:

— Это тайна.

Ребята тихонько засмеялись.

Леля хотела удержать его, но он ушел, пообещав притти на-днях.

* * *

Прошло уже две недели, а Вовка не появлялся. Однажды на костре о нем поставили вопрос. Говорили, что он отошел от коллектива, говорили, что он увлекается всевозможными фантастическими проектами, и еще многое говорили и наконец постановили снарядить экспедицию для розысков Вовки, которая должна его доставить в лагерь для разговора. Экспедицию составили из Галки и меня, потому что мы самые близкие его приятели.

На другой день утром мы запаслись бутербродами и тронулись в путь. В двух километрах от лагеря было три поселка. Мы не знали, в каком из них живет Вовка. Но нам повезло: в первом же поселке, в саду, мы увидели развешанные на ветке березы оранжевые Вовкины трусы и тут же услышали голос его мамы.

Она издали закричала нам:

— Наконец-то пожаловали! Владимир у них целыми днями пропадает, а они даже носа не покажут!

Мы переглянулись с глупым видом. Я начал было:

— Как... а разве...

Но Галка ткнула меня в бок. Ничего не понимая, я замолчал.

— Что же он у вас там делает? — спросила Вовкина мама. Галина, размахивая руками, понесла какую-то чепуху:

— Да-а... вообще... Вы же знаете... У нас там очень интересно... Игренные выгры... То есть, я говорю, военные игры и все такое вообще.

Вовина мама как-то странно на нас посмотрела. Она хотела угостить нас земляничкой. Но мы поблагодарили ее и ушли.

По дороге в лагерь мы долго шли молча. Наконец Галина сказала:

— Факт! Вовка говорит родным, что он уходит в лагерь, а сам идет работать где-то над своим изобретением. Интересно...

Она не договорила. В конце просеки, по которой мы шли, показался Андрюшка. Он быстро семенил нам навстречу, оттопырив толстые губы и широко открыв большие глаза. У него всегда такой вид, когда он чем-нибудь озабочен. Он подошел к нам и сказал отрывисто:

— Вышел к вам навстречу. Получил письмо от Грушина.

Я взял у Андрюшки помятый конверт, вынул письмо и стал читать вслух:

— «Андрюшка!

Я пишу тебе, Сережке и Галке, как своим близким друзьям. Сегодня в полночь решается моя судьба. Я испытываю свое изобретение, на которое истратил все свое состояние и ради которого, может, останусь на второй год. Мне нужна ваша помощь, и если вы мне друзья, вы мне не откажете. Возьмите свои броненосцы и ровно в полночь приезжайте на то место, где мы с вами столкнулись. Пароль — «Архимед». Если вы мне друзья, вы это сделаете. Если вы кому-нибудь сболтнете, это будет подлость с вашей стороны.

Грушин»

Прочтя письмо, мы долго молчали. Потом Андрюшка проговорил:

— А вдруг опять ракетный двигатель?

Это Андрюшка вспомнил историю с моделью ракетного автомобиля. Когда мы навещали после аварии Вовку в больнице,

он нам объяснил, что взрыв произошел из-за ошибки в конструкции, и обещал переделать автомобиль.

Долго мы сидели под ветками сосны у придорожной канавы, шевелили, как тараканы усами, зажатými в зубах травинками и думали, как быть. Удрать из лагеря ночью — за такое дело можно вылететь из отряда. Выдать Вовкину тайну было бы большой подлостью. Мы вспомнили, как Вовка говорил, что его изобретение имеет оборонное значение. Значит, может произойти несчастный случай, и Вовку нельзя оставить одного.

За лесом заиграл горн. Это в лагере звали к обеду. Мы поднялись с земли.

— Так как же? — спросил Андрюшка.

Галка стряхнула соринки, приставшие к юбке. Вдруг она покраснела и ни с того ни с сего разозлилась:

— Вот дурак!.. Ну какой же он дурак!..

Андрюшка задумчиво проговорил:

— Почему ты знаешь? Всех изобретателей считали дураками, а потом оказывалось, что они гении.

И Андрюшка посмотрел на Галку своими телячьими глазами. Видно было, что ему очень хотелось помочь Вовке. Я тоже был непрочь. Я занимался в литературном кружке, и наш руководитель говорил, что если хочешь быть писателем, то нужно все видеть и все испытать.

— Ну? — спросил я Галку.

Галка набросилась на меня:

— Ну! Ну! Вот если попадемся сегодня ночью, так уж... так уж я не виновата!

Вообще у Галки странная психология: когда мы затеваем какое-нибудь мероприятие, она сначала ругает нас, а потом сама же идет с нами.

* * *

Мы с большим нетерпением дождались десяти часов вечера, когда лагерь укладывается спать. Потом ждали еще полчаса, лежа в кроватях, пока лагерь уснет. Наконец мы осторожно выбрались из дома и встретились у реки, где у причала из двух досок стоял наш флот.

Галина и Андрей сели на «Марата», я занял «Аврору». Метров сто мы шли на шестах (боялись, что колеса наделают много шума), потом пустили в ход машину.

Медленно, осторожно пробирались наши суда по темной извилистой речке. Над берегами нависли ивы, и по их верхушкам осторожно ползла следом за нами луна. Плыли мы очень долго. Я уже думал было, что мы в потемках проехали место встречи, как вдруг чей-то голос в кустах на берегу тихо произнес:

— Архимед!

Мы застопорили машины и стали смотреть на берег. Ничего не видно. Темно.

— Архимед, — тихо повторил Вовка.

Мы стали причаливать. О борта лодок зашуршали листья кувшинок.

Кусты зашевелились. Появился Вовка. Мы высадились на берег и привязали лодки к большой коряге.

На Вовке была надета бумазейная куртка, такие же штаны, заправленные в чулки, и большая теплая кепка.

— Спасибо, что пришли, — сказал он. — Пойдемте!

— Вовка! Чего ты еще выдумал? — зашипела Галка.

— Пойдемте, — повторил Вовка.

Он повел нас по темному дну оврага узкой тропинкой между огромных зарослей каких-то растений. Скоро мы поняли, что это крапива: Галка так взвизгнула, что в деревне за рекой собаки залаяли.

Спотыкаясь, подымая руки, чтобы не задеть за крапиву, мы дошли до какого-то заброшенного сарая. Тут Грушин остановился.

— Чего ты еще выдумал, Вовка? — снова зашипела Галина и боязливо оглянулась.

Вовка помолчал немного, потом ответил:

— Подводную лодку нового типа.

Мы сразу повеселели: испытывать модель подводной лодки — это вам не ракетный двигатель!

— Вы мне нужны для того, чтобы завинтить меня в люк.

— Ку... куда завинтить? — хрипло спросила Галина.

— В люк, — спокойно ответил Вовка.

Галка тяжело дышала. Я чувствовал, что сейчас выйдет неприятность. К Галине подошел Андрюшка. Он тихонько проговорил:

— Назвалась груздем — полезай в кузов.

Галка ничего не ответила.

Отчаянно заскрипела большая дверь, и мы вошли в сарай. В темноте пахло масляной краской.

Вовка зажег свечу.

Помещение было завалено всяким барахлом. Валялись в куче инструменты и старые журналы: «Всемирный следопыт», «Мир приключений», «Вокруг света». В углу стоял примус без ножек, около него — паяльник. Два здоровенных паука торопливо подтягивались к потолку.

У стены почти во всю ее длину на особых подставках стояла подводная лодка Вовки Грушина. Она напоминала байдарку. В носовой части возвышалась труба метра в три вышиной и сантиметров четырех в диаметре. Вся лодка была выкрашена в зеленый цвет, а на борту красными буквами было написано: «Архимед».

Вовка объяснил нам ее устройство:

— Судно погружается на глубину в два метра. Двигается с помощью винта. Винт движется с помощью... ногами (там особые педали есть). Находясь в погруженном состоянии, судно может прицепиться к подводной части любого парохода (будет устроено специальное приспособление). Пароход идет, а подводная лодка — за ним. Так можно из Москвы попасть через Беломорканал в Белое море, а оттуда — хоть в океан.

Галина спросила:

— А как же на ней сидеть?

— Сидеть? Сидеть и не нужно. Можно лежать.

— А как же дышать?

— Перископ ведь торчит из воды, через него и дышать. —

И Вовка указал на трубу.

Андрюшка потер лоб:

— Гм! Ну, а как же ты будешь спускаться и подыматься?

— Специальный резервуар, как в наст... ну, как в обыкно-

венной подводной лодке: чтобы опуститься, в него пускают воду; чтобы подняться, накачивают туда воздух и выдавливают воду обратно.

Вовка открыл крышку маленького люка и показал, как устроен «Архимед» внутри:

— Вот резервуар для воды и воздушный компрессор.

Мы увидели бидон от керосина и приделанный к нему велосипедный насос.

— Вон там педали для винта, а это — иллюминаторы. — Вовка показал на вделанную в носу пару очковых стекол. — А это карманный фонарик для освещения.

— Вовка, тут повернуться негде!

— Во всякой подводной лодке тесновато. Это, голубчик, тебе не спортплощадка.

— Ну, а в перископ хорошо видно?

— Он еще не совсем готов. Только труба, чтобы дышать.

Вовка умолк. Мы тоже молчали и осматривали судно. Это было очень интересно.

— Пора, — сказал Вовка. — Ну-ка, ребята, взяли!

— Чудак ты все-таки, Вовка, — проговорила Галина.

Все четверо подняли лодку и чуть не уронили ее — такая она была тяжелая. Кое-как мы вытащили судно наружу. Несли мы его медленно, с передышками, по темному заросшему оврагу. Вовка всю дорогу причитал:

— Ой, ребята, милые, поосторожней! Ой, ребята, не уроните!

Когда мы пришли к реке, Андрюшка слазил в бронебашню «Марата» и достал оттуда штатив, фотоаппарат и чашечку для магния.

И вот состоялся торжественный спуск «Архимеда» на воду. Мы спустили сначала нос, потом налегли на корму и столкнули судно на воду. В ту же секунду чихнул Андрюшкин магний. «Архимед» сполз с берега и, слегка покачиваясь, стал рядом с «Авророй». Я тихо спросил:

— Вова, а здесь глубоко?

— Два с половиной метра. Я мерил.

— Может быть, где помельче?

Грушин презрительно посмотрел на меня и ничего не ответил. Андрей с фотоаппаратом, засучив штаны, бродил по воде и, фыркая магнием, снимал «Архимеда» и Вовку на скамье «Марата».

Вовка пожал нам по очереди руки и сказал:

— Пора.

Он старался быть совершенно спокойным, но я-то знал, что у него на душе.

— Вов, — сказала Галка, — давай-ка мы обяжем твоего «Архимеда» веревкой. В случае чего, вытащим.

Вовка даже не посмотрел на нее. Он подошел к люку «Архимеда» и стал влезать в него. Но как только он сунул туда голову, «Архимед» качнулся, и Вовка чуть не искупался. Тогда он велел нам привязать подводную лодку между броненосцами и, когда он влезет в люк, обрезать веревки. Так и сделали. Когда «Архимеда» привязали, Вовка нагнулся, всунул голову в отверстие люка и вполз туда, громко кряхтя. Там он перевернулся на спину и закрыл люк изнутри какой-то доской с дыркой в середине.

— Закройте крышку люка так, чтобы винт попал в дырку.

Тут только мы заметили, что на крышке торчит болт с винтовой нарезкой.

Мы исполнили приказание.

— Придержите крышку, пока я не завинчу гайку, — глухо, как из бочки, пробубнил Вовка.

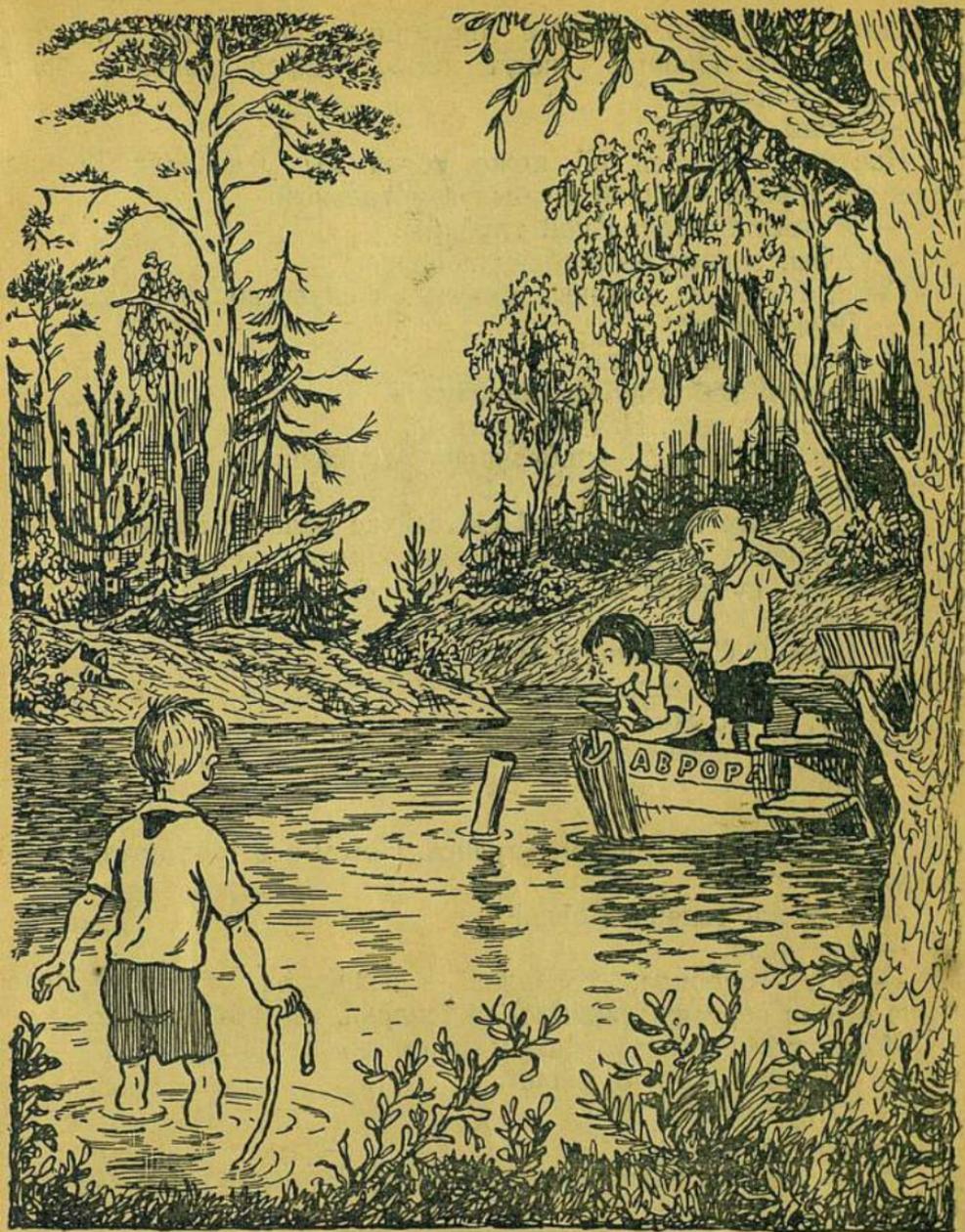
Мы придержали. Стало совсем тихо. У Андрюшки в руках так и прыгал фотоаппарат (к сожалению, карточки не вышли, потому что все снимки он сделал на одну пластинку). Сердца наши так бились, что ребрам было больно.

В иллюминаторе вспыхнул свет.

— Пускайте! — прогудело внутри «Архимеда».

Мы развязали веревки. «Архимед» очень быстро ушел под воду. Мы оглянуться не успели, как из воды остался торчать лишь кончик перископа.

Было совсем тихо. Мы сидели на своих броненосцах и смотрели, как маленькие пузырьки появляются в том месте, где погрузился «Архимед». Где-то очень глубоко, как нам

казалось, дрожало светлое пятнышко. Это был свет из иллюминатора. Прошло минут пять. Андрей припал губами к концу перископа:

— Вовк, ну как?

Нас мороз подрал по коже, когда мы услышали Вовкин голос из трубы, — такой он был замогильный:

— Я достиг предельной глубины.

— Жив, значит, — вздохнула Галка.

Снова поползли длинные минуты, и снова вопрос:

— Вовк! Жив?

И замогильный ответ:

— Выкачиваю воду из резервуара.

Подождали еще. Начало светать.

— Уж два часа... — проговорил Андрюшка.

Галина перебила его:

— Смотрите на перископ! Он сейчас полезет вверх!

Но перископ не лез вверх. Я наклонился к нему:

— Вова, ну как?

Молчание.

— Вова-а! Слышишь? Как?

— Я уже все выкачал.

— Ну, и что же?

— Она не подымается.

— Почему?

— Не знаю.

Мы взволнованно переглянулись. Потом все трое потянулись к трубе.

— Как же теперь, Вовка?

— Не знаю.

— Вот говорила, говорила! — захныкала Галка. — Надо было его за веревку привязать, а теперь... как вот теперь?!

И вдруг Вовка озабоченным тоном сказал из трубы:

— На меня чего-то капает.

— Откуда капает?

— Из люка.

Мы вскочили, ошалело оглядываясь. Что делать? Я крикнул было:

— Перископ! — и схватился руками за трубу.

Но оттуда раздался испуганный Вовкин голос:

— Не смейте за перископ! Оторвется.

— Говорила, говорила! — хныкала Галка.

Вова посоветовал:

— Подденьте меня веревкой.

Мы взяли оба наших причала, связали их, привязали к середине камень, опустили его на дно и за оба конца стали водить веревку вдоль бортов лодок. Но «Архимед» слишком глубоко врылся в ил, и его нельзя было поддеть.

— Капает, Вовка?

— Капает! У меня уже здоровая лужа! Поскорей! — кричал Вовка из глубины.

— Надо достать какую-нибудь узенькую баночку. Мы будем опускать ее в перископ и вытягивать с водой, — сказал Андрюшка.

Это он неплохо придумал. Я помчался через крапиву к сараю. В Вовкиной мастерской не оказалось ни одной подходящей банки, зато я нашел там резиновую кишку сантиметра в полтора толщиной. Я измерил ее длину и решил, что хватит. Вернулся и сообщил свой план ребятам.

— Вовка, держи кишку! Выкачивать будем. Держи так, чтобы конец был все время в воде!

Мы просунули кишку в трубу.

— Галка, выкачивай!

Галина взяла в рот верхний конец и стала сосать из кишки. У нее глаза на лоб вылезли, но вода не выкачивалась, потому что трубка сжималась, когда Галина втягивала в себя воздух. Пока она работала, мы с Андреем старались подковырнуть «Архимеда» шестами. Но шесты оказались слишком короткими. К тому же их было очень трудно удержать под водой.

Скоро Галка сказала, что у нее ничего не выходит с насосом.

Мы решили плюнуть на кишку. Уже почти совсем рассвело.

Вовка изредка справлялся о ходе спасательных работ и говорил, что вода у него хоть и прибывает, но очень медленно.

Я сказал:

894974
Российская государственная
детская библиотека

28926

— Хватит, ничего мы так не сделаем. Надо ехать за ребятами в лагерь.

Все согласились со мной. Галина осталась на месте, чтобы Вовке не было страшно, а мы с Андреем взяли «Аврору» и, подняв два огромных столба брызг и накручивая изо всех сил колеса, помчались по оранжевой от восходящего солнца реке.

Я не помню, как мы доехали. Только мы были все мокрые от пота. Выскочили на берег. Я зазвонил в колокол, Андрюшка бросился в дом, отчаянно крича. Из дверей, изо всех окон стали выскакивать полуодетые, испуганные ребята и вожатые. Леля выбежала с одеялом на плечах. Я закричал:

— Скорее! Вовка Грушин тонет! Возьмите веревки! Возьмите багры!

Прошло ровно две минуты. Битком набитая «Аврора» неслась по реке. Каждый толкался и греб чем мог, помогая колесам. За нами через заросли вдоль берега, ломая ветки, продирался весь лагерь.

По дороге я и Андрюшка сбивчиво рассказали, в чем дело, но никто нас толком не понял.

Наконец прибыли!

Попрежнему над водой торчал конец перископа. На борту «Марата» сидела Галина, посасывала кишку и горько плакала.

— Где Вовка? — спросила Леля.

— Тут... — указал Андрюшка под воду.

— Сколько времени?

— Да часа три уже.

Леля побледнела.

— Вовка, ты жив? — спросил я.

— Жив, — со дна речного ответил Вовка и добавил: — Холодно!

Ребята столпились у берега и, разинув рты, уставились на перископ.

* * *

И тут началась эпроновская работа.

Пятеро лучших пловцов ныряли, стараясь подвести веревки под «Архимеда». Остальные тыкали в воду баграми, засучив

штаны, бродили в воде и подавали тысячи советов. Стоял галдеж, как на птичьем дворе. Наконец нашим водолазам удалось подцепить веревками корму и нос «Архимеда». Они выбрались на берег, продрогшие, измученные, но очень гордые.

Ребята посильнее принялись тянуть веревки вверх. Смолкли крики. Наступила полная тишина. Человек восемьдесят смотрели, как подымается из воды труба перископа. И когда наконец появился зеленый верх «Архимеда», такое раздалось «ура», что, казалось, солнце подпрыгнуло.

Потом снова наступила тишина. Крышка люка на подводной лодке шевельнулась и открылась. Из отверстия высунулась сначала одна нога, потом другая, затем торжественно и медленно появилась Вовкина спина, затем плечи и голова. Изобретатель был бледен и ляскал зубами от холода, но важности у него хватило бы на двадцать капитанов Немо.

Вовка срочно был доставлен в лагерь. Там его переодели и стали согрывать чаем. Мы в это время чувствовали себя очень скверно. Леля, проходя мимо, так на нас посматривала, что мы поняли: будет крупный разговор.

Огромная толпа ребят окружала Вовку, пока он пил чай, глазела на него и засыпала вопросами:

— Сколько времени ты его строил?

— А как ты рассчитывал?

— Никак. Построил, да и все.

— Ты, значит, ошибся в расчете, и потому она затонула. Да?

— Ну конечно, не рассчитал! — сказал кто-то из старших ребят. — Не рассчитал соотношения между весом лодки и ее объемом.

К Вовке протиснулся маленький Буся Кацман и прижался носом к краю стола.

— А что «Архимед» — это рыба такая?

Вовка презрительно взглянул на него, отхлебнул из кружки чай, прожевал кусок хлеба и только тогда ответил:

— Рыба! Индюк ты! Это полководец!

Леля услышала Вовкин ответ и подошла к нему:

— Во-первых, уважаемый товарищ изобретатель, Архимед не полководец, а древнегреческий ученый. Во-вторых, если бы

вы знали физический закон, открытый Архимедом, вы бы смогли правильно рассчитать свою лодку и вас не пришлось бы вытаскивать со дна на веревках.

Вот все, что я могу рассказать об «Архимеде» Вовки Грушина. Сейчас Вовка работает над созданием нового типа парашюта и, кажется, скоро будет испытывать его с четвертого этажа.

БЕЛАЯ КРЫСА

Боря трубил в горн. Леня бил в барабан. За ними шагали Вава и Дима, а впереди всех выступала звеньевая Таня Закатова.

Лоб ее был перевязан бинтом (она недавно упала с дерева). На затылке торчала темная метелочка волос. Эта метелочка резко дергалась, когда Таня оглядывалась на звено.

— Вава! Почему не в ногу? Димка! Отстаешь!

Дело было очень серьезное: Таня Закатова несла пакет с «дипломатической нотой». В этой ноте сообщалось, что «страна карбидов», то есть пионерлагерь завода «Карбид», объявляет войну «стране трикотажей» — пионерлагерю трикотажной фабрики № 2.

Неторопливо, торжественно шагало звено через маленький лес, разделявший оба лагеря. Трещал барабан, ревел горн,

и с освещенных заходящим солнцем деревьев то и дело шаркались в небо испуганные стаи грачей.

Дорога вышла из леса на большую поляну. В конце ее стоял белый дом с башенками и остроконечной крышей. Ребята видели, как трикотажи сбегаются на линейку.

— Ждут! Знают, в чем дело! — сказала Таня. — Вавка, опять не в ногу! Димка, поправь галстук! Раз-два-три-четыре! Раз-два-три-четыре!

Они вошли в калитку и замаршировали мимо неподвижных рядов трикотажей. Возле мачты с флагом их поджидал председатель совета лагеря, Миша Бурлак. Таня остановилась перед ним.

Смолкли горн с барабаном. Стало совсем тихо. Председатель, толстый, солидный, исподлобья поглядывал на представительницу карбидов, а она, тонконогая, худенькая, настороженно смотрела на председателя.

Что-то странное было в поведении председателя. Он старался стоять смирно и сохранять обычную солидность, но время от времени делал какие-то непонятные движения: то поводил плечами, то вдруг выпячивал живот, то совсем убирал его. Таня передала ему пакет, заклеенный смолой. Бурлак взял его и почему-то поднял правую ногу, согнув ее в колене.

На линейке зашушукались.

Председатель вскрыл пакет. Он опустил ногу, согнулся, точно у него болел живот, и стал торопливо читать дрожащим голосом, то и дело сбиваясь:

— «Председателю совета пионерлагеря Трикотажной фабрики № 2.

Н о т а

Многоуважаемый председатель совета лагеря!

Вот уже три дня, как среди трикотажей распространяются ложные слухи о том, что карбиды живут в своем лагере, «как растения мимозы в ботаническом саду»: не умеют бегать, не знают, что такое военная игра, и купаются только в таких местах, где глубина не больше тридцати сантиметров. Отважные карбиды возмущены подобной клеветой и посему считают себя

с завтрашнего дня, с пятого июня 1940 года, в состоянии войны со страной трикотажей. Условия войны Вам известны...»

Миша читал, но никто не слушал его. Вытаращив глаза, все смотрели на левую ногу председателя: из короткой штанины его трусов медленно выползала... белая крыса.

— «Благоволите... благоволите принять, уважаемый председатель, мои заверения в глубочайшем к Вам...»

Крыса плюхнулась животом на землю, расставив короткие лапы. И в ту же секунду отчаянный визг раздался над линейкой. Два трикотажа, сбитые с ног, покатались на землю. Чья-то фигура мелькнула над забором и скрылась за ним. Начался переполох. Полторы сотни галдящих ребят окружили председателя совета.

— Пустите-ка! В чем тут дело? Бурлак, что произошло?

Расталкивая ребят, к Бурлаку подошел старший вожатый.

— Ни в чем не дело! — бормотал председатель. — Я ее просто сунул за пазуху, а она — в трусы и на землю... А эта чего-то испугалась.

— Таня! — позвал вожатый.

Над забором показалась забинтованная Танина голова на тонкой шее. Она угрюмо уставилась на вожатого.

— Чудачка! Чего испугалась? Иди сюда!

— Не пойду, — ответила Таня.

Босоногие трикотажи запрыгали и захихикали:

— Трусиха! Крысы боится! От крысы удрала!

— Да, боюсь, — ответила Таня. — Петр Первый храбрым человеком был, а тараканов боялся.

Вожатый поднял крысу и показал ее Тане:

— Ну, Петр Первый, я ее уношу. Иди сюда!

С кислыми лицами пустились карбиды в обратный путь. До калитки их провожали веселые трикотажи:

— С самим Петром Первым завтра воюем!

— Пусть крыса нас сторожит! Ни один карбид не тронет!

До лесу за ними бежал какой-то маленький мальчишка. Приплясывая, он пищал:

— Петр Первый, а Петр Первый! Петр Первый, а Петр Первый!

В лесу Леня стукнул мальчишку барабаном по голове, и тот, удовлетворенный, побежал домой.

— Оскандалились, — проворчал барабанщик. — Тоже еще, звеньевая! Крыс боится!

— Что-о? — Таня сразу остановилась и повернулась к нему. — Что ты сказал?

Крепкий, коренастый Леня молча попятился.

— А ну-ка перепрыгни!

Дорогу пересекала глубокая канава, через которую был переброшен мостик. Леня пробормотал:

— Охота была ноги ломать!

Таня сошла с дорожки, разбежалась и, перелетев через канаву, упала на противоположной стороне.

Больше никто не роптал на звеньевую. Шли молча и быстро. Впереди было еще одно очень важное дело.

* * *

Настала ночь. Заснули трикотажи в своей даче с остроконечными башнями, погасли огни в деревенской школе, где жили карбиды. Яркая кособокая луна поползла по мерцающему небу, и верхушки деревьев в маленьком лесу засветились голубоватым светом.

Внизу под деревьями было темно и тихо. Осторожно, в молчании пробиралась сквозь заросли пятерка разведчиков. Таня шла впереди, держа подмышкой фанерный ящик с самодельным телеграфным аппаратом. Вава несла рюкзак с провизией, а ее брат Дима, такой же маленький и курчавый, как она, крепко прижимал к себе четвертую бутылку с кипяченой водой. Сзади всех двигались Боря и Леня. Согнувшись и сдержанно кряхтя, они тащили большую катушку с проводом. Катушка медленно вертелась, чуть поскрипывая в ночной тишине, и черный саперный провод ложился на мокрую от росы траву.

Шли очень медленно. Трудно было итти. Ветки цеплялись, невидимые коряги хватили за ноги, какие-то прутья больно хлестали по головам. Крохотный лесок, такой уютный днем,

теперь топорщился, глухо ворчал сухим валежником под ногами и не хотел пропускать.

Ободранные, исцарапанные, они вышли из леса на край маленького оврага, на дне которого журчал ручей. Сразу же за оврагом возвышался холм. На вершине его, четко выделяясь на мерцающем небе, чернели три столба от сгоревшей сторожки и двускатная крыша заброшенного погреба.

Таня спустилась в овражек и перешла по камням ручей. За ней пошел Дима. Он стал на камень посредине ручья, выбирая, куда бы шагнуть дальше, но вдруг зашатался, согнулся и быстро выпрямился. Раздался звон. Дима, опустив руки, застыл на камушке.

— Разбил! — тихонько вскрикнула Таня.

— Упала, — ответил Дима.

— Шляпа!

Карбиды шопотом стали бранить Диму. Потом Боря сказал, что нужно сходить в лагерь и принести другую бутылку.

— Ну да еще! — рассердилась Таня. — Будем всю ночь взад-вперед бегать! Пошли!

Они переправились через ручей, взобрались на освещенную лунной вершину холма и остановились там, молчаливые, насто-роженные. У мальчиков были низко надвинуты на лбы кепки и у всех подняты воротники пальто.

За холмом тянулась поляна, голубая от лунного света. В дальней стороне ее, окруженный с трех сторон темными соснами, белел дом трикотажей. Боря зачем-то снял кепку. На его макушке, как острое перо индейца, торчал одинокий прямой вихор.

— Спят и не знают, что мы им готовим, — прошептал он.

Все молча кивнули головами и продолжали смотреть на белый дом.

Завтра начнется война. Завтра отряды карбидов и трикотажей с красными и синими повязками на руках станут ползать в лесу, стараясь пробраться к лагерю противника и похитить флажок, спрятанный в условном месте. И все это время пятеро отважных разведчиков будут сидеть на холме под самым носом у неприятеля. Они будут следить за каждым движением

противника и сообщать обо всем по телеграфу в свой штаб. Это придумала Таня. Разведчики выждут удобный момент, и по их сигналу толпы карбидов врасплох нападут на трикотажей и спустят с высокой мачты флаг.

— Пошли! — тихо скомандовала Таня. — Борис, Ленька, тяните провод!

Карбиды в молчании направились к погребу. Один за другим вошли в низенькую дверь между скатами крыши. Таня включила карманный электрический фонарь.

Наземная часть погреба была пуста. В середине дощатого пола чернел открытый люк. Ребята, стоя вокруг него на четвереньках, заглянули вниз.

В глубокую яму вела приставная лестница. На дне ямы при слабом свете Таниного фонарика ребята увидели пустые деревянные кадки.

— Капусту квасили, — прошептала Вава.

Леня поправил кепку, съехавшую на нос, и тихонько засмеялся:

— Танька! А вдруг здесь крысы есть!

— Не испугаешь. Они бы здесь с голоду подошли. Чем языком болтать, устанавливай аппарат.

Вскоре телеграфный аппарат с электромагнитом от звонка, роликом от пишущей машинки и с бумажной лентой, нарезанной из газетных полей, стоял в углу под скатом крыши. Сидя возле него на корточках, ребята смотрели, как Леня делал пробу.

— Передай, — сказала Таня: — «Погреб заняли, невзирая на трудности. Сообщите, как принимаете. Начпункта Закатова».

Леня снял кепку, склонил стриженую лопоухую голову над аппаратом и стал нажимать на ключ, тихо приговаривая:

— Точка, тире, тире, точка... Тире, тире, тире...

Леня передавал эту депешу минут пять и весь взмок от напряжения. Подконец сообщил, что переходит на прием, и повернул какой-то рычажок. Теперь все смотрели на якорь магнита с карандашным графитиком. Вот он слегка дернулся. Леня взял пальцами кончик бумажной ленты и стал тянуть ее к себе.

Где-то за лесом, в комнате у вожатого карбидов дежурный телеграфист лагеря Сеня Жуков стучал ключом, а здесь на бумажной ленте появились слабые черточки и точки. С трудом разбирая их при свете фонаря, Леня читал:

— «Примаем хшо. Же-ла-ем у-пе-ха. Дежурный связе-е-ет Жуков».

Вава тихонько засмеялась и осторожно захлопала в ладоши.

— Работает! — в восторге шептали карбиды. — Работает!

После испытания аппарата они разместились по разным углам, и Таня потушила фонарь.

Стало совсем темно. Только щели в крыше светились слабым, ночным светом. Ребята притихли, каждый в своем углу. Было слышно, как журчит ручей под холмом и пищит одинокий комар, залетевший в погреб. Так прошло полчаса.

— Товарищи! Вы не спите? — зашептал вдруг Боря.

Карбиды возмущенно заворчали в темноте:

— Мы и не думали засыпать!

— Знаете что? Вот все ребята спят сейчас в тылу в теплых постелях, а мы тут бодрствуем на передовых позициях, под самым носом у врага... А, товарищи?

— Угу! — отозвался кто-то.

Таня заворчалась где-то возле двери:

— Слушайте-ка! А что бы нам такое совершить?

— Совершить?.. Что совершить?

— А вот: нас с нашим лагерем соединяет только провод.

И вот бы по этому проводу послать депешу: сегодня, положим, в ноль часов пятьдесят минут разведчики такие-то совершили то-то и то-то. Что-нибудь особенное, подвиг, понимаете?

Эта мысль всем понравилась. Тараша глаза впотьмах, карбиды стали придумывать, какой бы совершить подвиг.

— Во! — сказал Леня. — Таковую депешу послать: «Сегодня ночью разведчики такие-то пробрались... в это... как его... в месторасположение неприятеля и... сделали чего-нибудь такое».

— А что именно сделали? — спросил Боря.

— Ну, какой-нибудь диверсионный акт.

— Ой, девочки! — пропищала Вава. — У них там две

овчарки и ночной сторож. Они такой «диверсионный акт» покажут, что просто ужас!

— И вообще нельзя: сейчас еще мир, — сказала Таня.

Долго ломали головы карбиды.

Постепенно щели в крыше посветлели. На полу стало заметно черное пятно люка, а по углам — смутные фигуры ребят. Они сидели кто на корточках, кто просто на полу и поеживались от утреннего холода.

— Закусим? — предложил Боря.

Вава развязала мешок. Она вынула оттуда буханку хлеба и несколько вареных картофелин. Затем, хитро посмотрев на ребят, извлекла одну за другой пять сушеных вобл.

— Сама достала в сельпо, — сказала она важно, раздавая ребятам порции на салфетках из газеты.

Разведчики принялись громко чавкать, обсасывая косточки воблы, и продолжали вслух мечтать о подвиге.

— Хоть бы гроза какая-нибудь! — говорила Таня, держа двумя пальцами рыбий хвост. — «В районе наблюдательного пункта разразилась гроза. Погреб затоплен. Продолжаем наблюдение за неприятелем по колено в воде».

— А по-моему, лучше так, — предложил Боря: — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Огромное дерево упало рядом с погребом. Продолжаем неустанные наблюдения».

— Не! Не так! Во как! — Леня даже приподнялся: — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Молния ударила в погреб. Часть разведчиков оглушена. Продолжаем наблюдения среди дымящихся развалин».

— Ой, девочки! — пропищала Вава. — Если все это случится, вожатые прогонят нас отсюда и прекратят войну.

* * *

Прошло часа три. Щели в крыше стали золотистыми, и от них протянулись сизые лучи, в которых плавали блестящие пылинки. Мрачную картину осветили они!

Осовелые ребята сидели на своих местах, вытянув шеи, поминутно делая судорожные глотательные движения. Ключки

газеты, обглоданные рыбы кости и картофельная шелуха валялись на полу.

Прижавшись затылком к стене и перекатывая голову с одного плеча на другое, Леня громко, с надрывом шептал:

— Ну прямо все кишки выжгло!.. Прямо, наверно, какое-нибудь воспаление теперь начинается! — И, уставившись на Таню злыми глазами, сказал: — Ну, чего тебе сделается, если я к ручью сбегая?

— Не пуцу. Трикотажи увидят, — в десятый раз повторила Таня.

— Увидят! Они еще спят преспокойно, а ты здесь мучайся!

Таня, бледная, решительная, стояла на коленях, загораживая собою дверь:

— Все хотят пить. И я не меньше тебя.

— Не меньше! Две кружки чаю за ужином выпила, а я...

— Не пуцу! Понятно?

Боря молча слушал этот разговор. Длинная физиономия его еще больше вытянулась. Вава коротко всхлипывала, точно йкала, а ее брат сидел неподвижно, страдальчески подняв маленький нос и большие темные глаза.

Вдруг Боря поднялся:

— Товарищи! Зачем ссориться? Если каждый станет бегать к ручью и обратно, то нас могут заметить. Но кто-нибудь может взять рюкзак и принести воду для всех.

— Во! Правильно! Он брезентовый и не протекает.

— И очень хорошо! И великолепно! — одобрительно запищала Вава.

— Не пуцу!

Но тут терпение у карбидов лопнуло. Леня, согнувшись, подошел к звеньевой. Вава вскочила на ноги. Злое лицо ее выглядывало из-за Лёниной спины. Шагнул вперед и Боря с торчащим вихром.

— Что ж, нам здесь помирать? — мрачно спросил Леня.

— Не пуцу!

— Кричала, кричала о подвиге, а как до дела дошло, одного человека боишься выпустить!

— Не пуцу!!

— Ой, девочки, какая странная у нас звеньевая! Крысы боится, трикотажей боится и всего боится!

Леня бил себя кулаком в грудь:

— Ну, меня, меняпусти! Я так проползу, что...

— Уж ты проползешь! Знаем тебя!

— Ну, сама иди!

— И сама не пойду.

Леня подошел к ней поближе. Неожиданно мягким, ласковым голоском он спросил:

— Струсил?

— Струсил? — пискнула Вава.

Таня вскочила и треснулась головой о крышу. Держась за макушку, отчеканила:

— Давайте мешок!

— Вот и прекрасно! Вот и прекрасно! И ничего такого не случится, — миролюбиво заговорила Вава, вытряхивая из рюкзака остатки провизии.

Таня сняла пальто и взяла мешок.

— Струсил, говоришь?

Она открыла дверь, согнулась, чтобы не стукнуться снова о притолоку, сделала шаг вперед, остановилась на секунду... и вдруг, резко дернувшись назад, закрыла дверь.

— Чего ты? — удивились ребята.

— Стоят! — чуть слышно ответила Таня.

Все бросились к стене и приникли к щелям в досках. Даже Дима перестал «умирать». Повертев удивленно головой, он поднялся и подбежал к двери.

На крыльце дома трикотажей стояли двое мальчишек с полотенцами через плечо. Один маленький, другой большой, толстый. Маленький, протянув руку, показывал на погреб.

Карбиды бросились прочь от стены.

— Идут!

— Ой, девочки, прямо сюда идут!

С минуту они метались по погребу, стучаясь головами о скаты крыши...

— В люк! В бочки! — скомандовала Таня. — Все убрать!

Пальто, катушка из-под провода, рюкзак, очистки картошки,

рыбьи головы и хвосты полетели вниз, в глубину погреба. Леня отцепил аппарат от провода и съехал на животе по шаткой приставной лестнице вниз. За ним скатились остальные. Кряхтя, толкаясь, карбиды убрали лестницу и спрятали ее за бочки, лежавшие двумя рядами у стен. Бросили туда же свои вещи и остатки провизии. Затем каждый забрался в бочку, и все затихли.

Прошла минута, может быть две. Вот наверху скрипнула дверь. Послышались два приглушенных голоса. Один, солидный, басистый, похожий на голос Бурлака, сердито спросил:

— Ну, где твои карбиды?

Другой, пискливый, насморочный, ответил негромко, но горячо:

— Честное пионерское, видел: эта, ихняя... Петр Первый. По ковбойке узнал. Открыла дверь, а потом сразу как захлопнет... А за ней еще какие-то... Сам видел.

— Сколько? — спросил председатель.

— Десять... Нет, Мишка, человек двадцать! Так и высматривают, так и высматривают!

— Врешь, — лениво сказал Бурлак.

— Ну вот тебе честное-распречестное слово! Знаю, где они! Внизу сидят.

Притихшие в бочках карбиды услышали, как два трикотажа подобрались к люку.

— Эй! — басом крикнул маленький мальчишка.

Лёнина бочка лежала против Таниной. Он взглянул на звеньевую. Таня сидела согнувшись, поджав под себя колени, прикусив кончик языка. Один глаз ее был закрыт прядью волос, другой неподвижно смотрел куда-то вверх.

— Эй, Петр Первый! Все равно знаем: в бочках сидите.

Ребята даже дышать перестали. Затекали ноги, болели спины, а шевельнуться было нельзя: при малейшем движении бочки качались.

— В бочках сидят! Честное пионерское, в бочках! Бежим подыдем тревогу! Это разведчики ихние!

— Чудак ты, право, человек! Подыдем тревогу, а здесь никого не окажется. Смешно, прямо!

— Давай спрыгнем, посмотрим.

— И поломаем шею.

— Ну, давай я один спрыгну, собой пожертвую. Хочешь?

— Собой жертвовать нетрудно. А ты попробуй без жертв захватить. Это другое дело.

— А как... без жертв?

Два трикотажа стали шептаться так тихо, что карбиды ничего не могли услышать. Потом маленький хихикнул и спросил:

— На веревке?

— Ну да, — ответил Бурлак.

Они опять зашептались.

— Ладно, сторожи. Я сейчас! — громко сказал Бурлак и вышел из погреба.

Некоторое время стояла полная тишина. Было слышно, как над люком дышит и смыгает носом маленький трикотаж. Вдруг он поворочался наверху и довольным тоном объявил:

— А Мишка за белой крысой пошел!

Карбиды почували недоброе. Леня снова взглянул на Таню. Она еще больше сжалась в своей бочке и спрятала язык, продолжая смотреть одним глазом исподлобья вверх.

— Эй, Петр Первый, выходи лучше! — угрожающе крикнул трикотажд.

Карбиды молчали. Сердца их отчаянно бились. Хотелось шумно, глубоко вздохнуть, а мальчишка над люком, как назло, притих.

Прошло минут десять. Наверху раздались шаги, и снова послышался шопот:

— Зачем за ногу? За хвост! Осторожней, дурак, уронишь!.. Потихоньку! Потихоньку!

Между бочками Лени и Тани появилась в воздухе белая крыса. Вертясь и покачиваясь, суча розовыми лапками, она медленно опускалась, привязанная на шпагате за хвост. Вот она заскребла передними лапками земляной пол и села, поводя острой мордой с подвижными усиками.

— Эй, Петр Первый, выходи! Хуже будет!

Таня, бледная, закусив губу, пристально смотрела на крысу. Сжатые кулаки ее с острыми косточками слегка дрожали.

Шпагат натянулся и дернул крысу за хвост. Она поползла в сторону Лени, волоча за собой веревку. Леня знал, что белые крысы не боятся людей. Так оно и оказалось. Крыса вошла в бочку и, наступив лапой на Ленин мизинец, стала его обнюхивать. Леня приподнял было другую руку, чтобы схватить крысу и не пустить ее к Тане, но вспомнил, что трикотажи могут дернуть за веревку, и раздумал.

Шпагат снова натянулся и вытащил крысу в проход между бочками.

— Так все бочки обследовать! Понимаешь? — услышали ребята шопот Бурлака.

— Есть все бочки обследовать!

Белая крыса бесшумно ползала по дну погреба. Она то заползала в одну из бочек, то снова появлялась на черном земляном полу, и пять пар внимательных глаз, скрытых от трикотажей, следили за каждым ее движением.

Вот она снова очутилась между Леной и Таней и снова направилась к Лене...

Веревка натянулась. Крыса остановилась, а потом повернула к Тане.

Бочка, в которой сидела Вава, качнулась. На счастье, трикотажи не заметили этого.

Таня крепко зажмурила глаза. Все сильнее и сильнее дрожали ее сжатые кулаки и худенькие плечи. Крыса часто останавливалась, сворачивала в сторону, но все же приближалась к ней. Вот она вошла в бочку, обнюхала дрожащий кулак и, неожиданно вскочив на Танину руку, стала карабкаться на плечо. Не разжимая глаз, Таня широко открыла рот, и Леня понял, что сейчас раздастся тот истошный, пронзительный визг, который раздался вчера вечером на линейке трикотажей. Но визга он не услышал. Таня сжала зубы и больше не делала ни одного движения. А крыса забралась на ее плечо и подползла к шее. Ее белые усики шевелились возле самого Таниного уха.

Снова дрогнула бочка, в которой сидела Вава. Леня не боялся крыс, но по спине его бегали мурашки, когда он смотрел на звеньевую.

Где-то далеко прозвучал горн. В ту же секунду крыса вылетела из бочки. Дрыгая лапами, она взвилась вверх и исчезла.

— Хватит дурака валять! — проворчал над люком Бурлак.

— Да честное пионерское, мне показалось... — уже совсем неуверенно сказал его товарищ.

— Мало чего тебе показалось! Сначала проверь, потом подымай панику. Идем!

И трикотажи ушли из погреба.

Один за другим вылезли из бочек измученные, грязные карбиды. Они собрали свои вещи и приставили лестницу. Никто из них не сказал ни слова.

Молчали они и наверху. Леня стал привязывать концы проводов к аппарату, остальные сели по своим местам и приники к щелям между досками.

От пережитого волнения жажда усилилась. Каждому казалось, что вот-вот потрескается кожа на языке. Но все молчали и время от времени поглядывали на Таню. Она стояла на коленях перед дверью и не отрывалась от щели.

— Аппарат готов, — тихо сказал Леня.

Звеньевая молчала, попрежнему глядя в щель. Перед белым

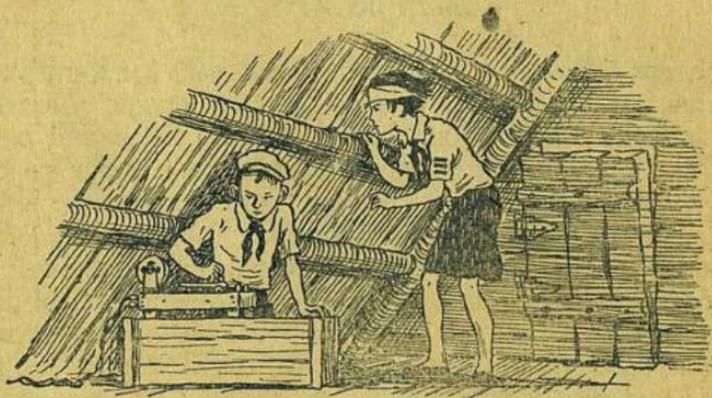
домом выстроились четырехугольником трикотажи. Опять заиграл горн. Послышалась дробь барабана, и красный, горящий на солнце флаг рывками поднялся вверх.

— Передай, — не оборачиваясь, сказала Таня: — «Флаг у противника поднят».

Ленька облизнул пересохшие губы и прислушался к слабому журчанию ручья под холмом. Он знал теперь, что он и его товарищи будут слушать это журчание три часа, пять, может быть восемь и никто из них не скажет ни слова о том, что хочется пить.

Склонив лопухую голову к аппарату, Леня стал медленно нажимать на ключ, шепча про себя:

— Точка, точка, тире, точка... точка, тире, точка, точка...
«Флаг у противника поднят!»

ВЕЗЕМ КАРТОШКУ

Невеселый был вид у нашего обоза, когда мы, сильно отстав от колонны, тащились по узкой дороге среди высокой ржи. Пекло солнце. Жужжали мухи. Облезлая наша лошаденка тянула скрипучую телегу, кивая при каждом шаге головой. На телеге лежала груда всякого отрядного добра, накрытого брезентом, и сверху сидели наши поварахи: Ирина и Зюлейка.

Я не очень унывал в обозе. Не всякому мальчишке поручают такое ответственное дело, как управление лошадью! Я сделал себе из газеты огромную шапку, которая хорошо защищала от солнца, и работал не покладая рук: тянул лошадь под уздцы, кормил ее на ходу пучками травы, отгонял от нее хворостиной мух, осматривал колеса телеги, которые страшно вихлялись. Словом — не скучал. Зато поварахи совсем скисли.

Ирина злыми глазами смотрела на лошадиные уши, Зушка покусывала кончик косы... И обе молчали.

Целую неделю они готовились к походу. Зубрили флажковую сигнализацию, учились ползать по-пластунски, обращаться с компасом и картой.

Вечером накануне похода лагерь выстроился на линейке, и старший вожатый Сергей прочел приказ: такие-то назначались в разведку, такие-то связистами, такие-то санитарями.

— С командой идет обоз в составе одной подводы. Возницей назначается Митя Чижов, старшим поваром — Ира Аникина, ее помощницей — Зюлейка Ибрагимова.

На линейке тихонько засмеялись.

— Стряпухи! — крикнул кто-то.

Ира подняла руку и попросила слова:

— Почему именно меня назначают в обоз?

Сергей сказал, что он мог бы не отвечать на подобные вопросы, потому что приказ командира обсуждать не полагается, но что он, так и быть, ответит:

— В обоз назначили вас троих как самых боевых и расторопных ребят. От вас зависит успех похода. Не будет во-время готов обед, ужин, завтрак — не сможем мы и продолжать поход.

На линейке перестали смеяться. Даже выступил Леша Лавочкин и спросил, почему его, в таком случае, не назначили в обоз. Поварихи одумались и в один голос закричали, что они согласны.

Весь вечер они принимали от завхоза лагеря всякие продукты, кухонную утварь и очень заважничали оттого, что легли спать позже всех.

Утром после завтрака пионеры, все в белых рубашках и синих трусах, под барабанную дробь выступили в поход, а за ними поплелась наша телега, которая визжала и ныла, словно была живая и у нее что-то болело.

Настроение у поварих быстро начало портиться. Лошадь наша плелась, как черепаха. Ира и Зушка то шли рядом с телегой, то забирались на нее и ехали, стоя на коленях, стараясь разглядеть, что делается впереди. А там то и дело случались всякие интересные события.

Проходя по перелеску, мы заметили, что пионеры вдруг разбежались в стороны от дороги и пошли двумя цепочками под деревьями. Мы поняли, что они прячутся от «вражеского самолета». Нам тоже захотелось спрятаться, но вдоль дороги тянулись глубокие канавы, и свернуть было некуда.

Потом, когда мы выехали на большой луг, пионеры неожиданно исчезли, словно сквозь землю провалились. Впереди послышалось тарактенье деревянных трещоток, которые служили у нас пулеметами. Обе поварихи вытянули шеи.

— Залегли! — сказала Ира.

— Они атаку кавалерии отбивают! — сказала Зушка.

Тут обе напустились на меня:

— Хватит тебе цацкаться с лошадыю! Погоняй!

— Лошадь не автомобиль, чтобы гнать да гнать! Запрягайтесь сами и скачите хоть галопом.

Было два привала, во время которых мы присоединялись к остальным ребятам. Да только лучше бы обошлось без этого. Мне прямо жалко было поварих, когда ребята подшучивали над «кашеварами» или рассказывали им о своих подвигах. Ирина и Зушка несколько раз просили вожатого Сергея позволить им хотя бы на марше идти с колонной, но он сказал:

— Телега отстает. При телеге все время должны находиться люди. Неровен час, что-нибудь с ней случится, и Митя не справится один.

* * *

Вскоре после второго привала мы так отстали от колонны, что совсем не видели ее. Поварихи больше не торопили меня и сидели на возу притихшие, унылые. Я тоже умаялся. Все молчали. Только и было слышно, как стрекочут кузнечики, скрипит телега да ступает лошаденка по дорожной пыли.

Но вот дорога свернула к лесу, в котором мы должны были обедать. И тут между поварихами начался разговор. Они говорили очень тихо, но я все-таки расслышал кое-что и сильно встревожился.

Начала разговор старшая повариха:

— Небось, Таська Лапина совсем бегать не умеет, а ее связистом назначили.

Зушка не ответила.

— Завтра большая военная игра. Настоящие окопы будут рыть, а ты возись с кастрюльками! Небось, Таська Лапина получше нас с тобой готовит.

Зушка вздохнула, подняла глаза и задумчиво сказала:

— Если мы испортим кашу, нас прогонят из поваров.

Ирка быстро повернулась и уставилась на Зюлейку:

— Как это — испортим кашу?

Зюлейка продолжала разглядывать облака.

— Я не знаю, сколько нужно класть крупы на ведро воды.

Может быть, один килограмм, а может быть, и пять.

— Прекрасно знаешь: три литра на кило. Ну, дальше?

— И если не мешать кашу, то она подгорит.

— Ну?

Зюлейка вздохнула:

— И если в кашу положить слишком много соли...

Ира скосила на нее серые глазщи и, наверное, не меньше минуты молчала. Потом она вдруг спрыгнула с телеги и заговорила громко, отрывисто:

— Ты брось эти штучки! Слышишь? Зушка, ты это брось!

У меня отлегло от сердца.

Мы вошли в лес. Справа от дороги на большой поляне расположились пионеры. Уже горел большой костер. Одни ребята болтали, лежа на траве, другие перебрасывались волейбольным мячом, но все, увидев нас, сбежались к телеге и окружили ее, словно мы собирались давать представление.

Я распряг клячу, пустил ее пастись. Старшие ребята помогли Ирине и Зушке установить над огнем котел, натаскали воды из ручья. Поварихи засыпали пшеничную крупу и положили соли. Я с тревогой следил за тем, как они это делают. Уж больно злое было у Ирки лицо. Но они все сделали по правилам.

Прошло минут двадцать. Поварихи сидели у костра, я лежал рядом с ними, а немного в стороне расположились кружком несколько ребят и вожатых. Как назло, они только и знали, что говорили о завтрашней военной игре. Ира с угрюмым лицом помешивала палкой в костре и, казалось, не слушала их, но Зюлейка все время поглядывала на ребят.

— Ира... давай посолим еще кашу? — предложила она тихонько.

— Брось... Брось эти штучки! — зашипела старшая повариха. — Я тебе гово...

Она не закончила, потому что в это время к нам подбежала Таська Лапина, девчонка с круглым лицом без бровей. Она села перед Ирой на корточки и быстро вполголоса заговорила:

— Ира! Ир!.. Послушай-ка, Ира, где у тебя та бумажка с флажковой сигнализацией? Хоть убей, ничего не помню. Ира, а? Я Сергею сказала, что хорошо знаю, а он возьми и назначь меня начальником связи «синих». Вот я попалась! Ирка, давай скорее ту бумажку. Знаешь, как он браниться будет...

— Нет у меня бумажки, — отрезала Ирина.

А Зушка, глядя в сторону, добавила:

— Очень странно, что таких назначают связистами.

Таська надулась, буркнула что-то насчет товарищества и убежала, а поварихи продолжали сидеть и молчать. И чем дольше они сидели, тем угрюмее становилось у Ирки лицо и тем больше у нее оттопыривались губы.

Вода в котле закипела. Каша начала хлопать.

Зушка взяла в руки половник.

— Ира, пора помешать?

Ира не ответила.

— Ира, пора?

Старшая повариха процедила сквозь зубы:

— Не пора.

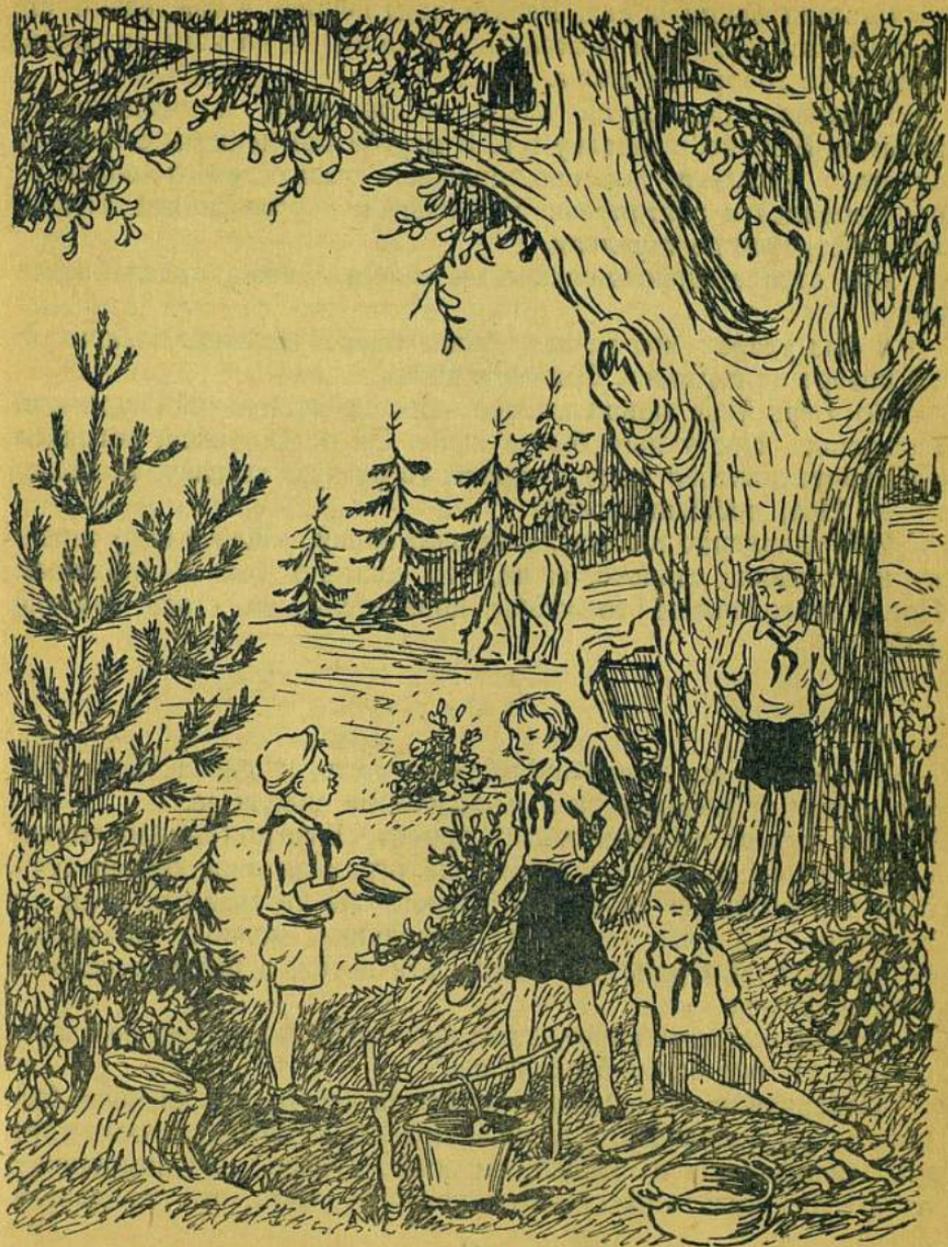
Я почувал недоброе. Я подождал немного, потом сказал:

— Ирка! А ведь каша-то подгорит. Может, помешать?

— Не помешать, — отрезала Ирина.

Что мне было делать? Выдать Ирку было бы как-то не по-товарищески по отношению к ней. А не выдавать — было бы не по-товарищески по отношению к остальным ребятам. Долго я думал, думал и в конце концов решил не выдавать. Уж очень мне казалось несправедливым, что такого человека, как Ирка, посадили в обоз.

Лицо у Ирки стало еще злее. Она сорвала длинную былинку, откусила от нее кусочек, выплюнула его, снова откусила и кусала так до самого корешка. Вдруг она вскочила, подбежала к котлу и принялась торопливо мешать кашу. Но я сразу понял, что Ирка опоздала. Когда она подняла крышку, из котла понесло горелым.

Настало время обеда. Ребята выстроились в очередь с тарелками в руках. Ира раскладывала кашу, ни на кого не глядя, никому не говоря ни слова.

Поварихи разложили кашу по тарелкам и роздали ее ребятам. Взял себе тарелку и я. В другой раз меня бы стошнило от этого кушанья, так оно пропахло гарью, но я слишком проголодался и поэтому ел. Ели кашу и другие ребята. Только ложки стучали по тарелкам.

Ира стояла, прислонившись к телеге, Зушка сидела возле нее.

Я был уверен, что сейчас придет Сергей и скажет поварихам: «В повара не годитесь. Сдавайте дела».

Но Сергей не пришел. Зато пришел маленький курносый мальчишка. Нос у него был в каше. Он остановился, поглядел на Ирину, дожевывая кашу и, протянув пустую тарелку, выпалил:

— Ира, добавки можно?

Ира удивленно взглянула на мальчишку, взяла у него тарелку и положила столько каши, что хватило бы на четверых. После этого она не то чтобы повеселела, но стала заметно добрее.

* * *

Под вечер мы снова пустились в путь, и снова наш обоз так отстал от колонны, что мы совсем не видели ее.

Мы шли по широкой лесной просеке. Быстро темнело, солнце почти зашло, а на небо напоззала огромная сине-черная туча. Мне это очень не нравилось. Дороги мы не знали и шли по стрелкам, которые чертили разведчики палкой на земле. В потемках не очень разглядишь эти знаки, а без них недолго и заблудиться.

Я стал понукать клячу, даже несколько раз ударил ее хвостинкой. Но она не прибавляла шагу.

Поварихи не обращали внимания ни на тучу, ни на меня. Они шли рядом с лошадей и дулись. Ирине было стыдно после того, что произошло с кашей, и она дулась на помощницу, а Зюлейка дулась на старшую повариху за то, что та дуется.

Громыхнул гром. Начали падать капли. Тут Зушка заговорила, ни к кому не обращаясь, будто сама с собой:

— Вообще очень странно и глупо так злиться. И вообще, что мы такого сделали? Преступление? Ну и пожалуйста, пусть это будет... мне кажется, там коровы идут... пусть это будет преступлением. А если некоторых, вроде Таськи Лапиной, назначают в связисты, а смелых, ловких людей — в судомойки... определенно, это коровы... то скажите, пожалуйста, будьте любезны: как это можно назвать? Вожатые должны сначала выявить, какие у кого способности, а тогда... Ира, там коровы!

— Гм! Правда! Коровы... Тпр-р-у!

Лошадь остановилась. Обе поварихи, вытянув шеи, смотрели вперед. По просеке навстречу нам и в самом деле шло большое стадо коров.

— Вот ведь! И свернуть никуда нельзя! — проговорила Ира.

Я и сам непрочь был свернуть. Не то чтобы я боялся коров, а просто я их люблю. Но свернуть было некуда, потому что деревья справа и слева стояли очень тесно.

— Ну вот еще! — сказал я. — Зачем? Идем прямо, да и все.

— Прямо-то прямо, а все-таки...

Одна корова подошла уже совсем близко. Она была черная, с белыми пятнами вокруг глаз, вроде очков. Корова остановилась, посмотрела на нас и заревела хрипло, будто простуженная.

— Ира... я... я не знаю, — забормотала Зушка. — Ира, если нам доверили телегу и лошадь, то мы не имеем права рисковать... Ира, потому что телега и лошадь — общественная собственность, и мы...

Снова громыхнул гром. Тут же сразу хлынул тяжелый дождь, и весь лес наполнился его шумом.

Больше поварихи не разговаривали. Ира схватила клячу под уздцы, повернула ее и повела назад по просеке.

— Ира, куда вы? — крикнул я, еле поспевая за ними.

Ира не ответила.

— Если бы мы были одни, — сказала Зюлейка и обернулась, — тогда другое дело, но ведь с нами... Ой! Ира!

Она так посмотрела на коров, что я невольно тоже оглянулся. Тут и мне стало не по себе. Черная очкастая корова

уже не шла, а бежала, как видно, испугавшись грома, и за ней, мыча, мотая хвостами, бежало все стадо.

Мы недолго раздумывали. Даже кляча смекнула, что дело еерьезное. Весь наш обоз понесся что было сил.

— Ира! Вот! Поворачивай! — крикнула Зюлейка.

Влево от просеки мы увидели дорогу. Ира свернула на всем бегу и потянула за собой лошадь.

— Эй!.. Эй, ты! Осторожней!.. — завопил я.

Но было поздно. Телегу занесло, она качнулась, подпрыгнула раза два боком; с одной стороны колеса поднялись, и она завалилась со всеми корзинами, мешками, ведрами и посудой.

Мы сразу забыли про коров. Они бежали мимо совсем близко, а мы стояли под дождем, разинув рты, глядя то друг на друга, то на рассыпанный груз.

Вслед за стадом, волоча длинные бичи, пробежали двое мальчишек, пастухи. Не останавливаясь, они что-то крикнули нам и захохотали. Тут только мы опомнились. Прежде всего мы сложили под деревом и накрыли брезентом буханки хлеба да мешки с крупой и солью, чтобы спасти их от дождя, потом поправили хомут и дугу на лошади; измучились, пока подымали телегу и втаскивали на нее тяжеленный куль с картошкой. Хорошо, что посуда алюминиевая, а то бы одни черепки остались.

Когда все наконец было уложено и связано, наступила такая темень, что я собственных ног не видел.

Медленно, осторожно побрели мы по просеке. Воз то и дело попадал колесами то в колеи и выбоины, то на бугры. Дождь не переставал, а наоборот, лил теперь еще сильнее. Все мы промокли до нитки, устали. Я был зол, но зато у поварих настроение исправилось.

— Вот! — кричала в потемках Зушка. — Что бы Таська Лапина сделала, если бы попала в такое приключение?

— Спятила бы, — отвечала Ирина откуда-то из-за телеги.

— Ира, все теперь нас ждут и волнуются. Правда?

— Ага. Небось, голодные, как волки.

— И никто не знает, какое мы приключение переживаем!

— Если мы сегодня не приедем, без ужина спать лягут. А сегодня на ужин печеная картошка с маслом.

— Ира, теперь у нас боевая задача: несмотря ни на какие трудности, привезти... Ой!

Что-то шлепнулось рядом со мной.

— Зушка! Ты где?

— Здесь, — ответила та откуда-то сзади. — Тут какая-то яма... И вот, несмотря ни на какие трудности, мы идем все вперед и вперед и везем картошку и...

Лошадь неожиданно стала.

— Но! — сказал я.

Кляча не двинулась. Ира зашлепала по лужам вперед, чтобы узнать, в чем дело.

— Митя!

— Ну?

— Тут деревья.

— Где деревья?

— Прямо перед нами деревья.

Долго мы не понимали, в чем дело. Хорошо еще, что время от времени сверкала молния. Она помогла нам разглядеть, что просека окончилась и уперлась в узкую лесную дорогу, которая шла в обе стороны от нее.

— Куда же теперь? Направо? Налево? — спросил я.

— Ира, заблудились! Да? — проговорила Зушка.

Мне показалось, что она довольна этим.

— Ничего не заблудились! — сказала Ира. — Здесь должен быть дорожный знак. Давайте спички.

Спички у меня были, да только они совсем размокли.

— Станьте в разных местах и смотрите на дорогу, — сказала Ирина: — молния сверкнет — может быть, увидим...

Мы нагнулись и стали ждать молнию. Как назло, ее очень долго не было. Дождь, и тот начал ослабевать. У меня заболела спина. Вдруг все осветилось кругом, и над нашими головами так треснуло, что я подпрыгнул. Ничего мы не увидели. Только лужи, покрытые пупырышками.

— Хватит дурака валять! — сказал я. — Давайте сделаем бутерброды, закусим и подождем, когда станет светлее.

Но поварихи в один голос закричали, что мы не имеем права закусывать, когда нас ждут шестьдесят голодных ребят.

Мы наугад свернули вправо. Дождь совсем перестал, сделалось светлее, но мы еле тащились, потому что телега вязла в грязи.

Вдруг Зюлейка остановилась.

— Слышите? — спросила она тихо.

Мы прислушались. Кто-то быстро шлепал впереди, хныкал и что-то причитал тоненьким голоском. Потом мы увидели маленького мальчишку. Он бежал рысцой нам навстречу и был такой же мокрый, как мы. Поровнявшись с нами, он перестал хныкать и осторожно, боком, обошел телегу. Потом снова пустился бежать.

— Эй! — крикнула Ира. — Где Пустая сторожка? (Так называлось место, где мы должны были ночевать.)

Мальчишка не ответил.

— Слышишь? Пустая сторожка где?

— Прямо! — крикнул мальчишка и скороговоркой добавил: — Дойдете до коряжки, так влево свернете и орешником, а как мочажину перейдете, так сбоку у вас будет луг, из просеки выйдете — и через брод.

— Ничего не понимаю! До какой коряжки? Эй, проводи до Пустой сторожки!

— Не!

Ирина что-то буркнула себе под нос и побежала вслед за мальчишкой. Скоро мы услышали крики:

— Пусти! Чего лезешь! Ну! Пусти, говорю!

Ира вернулась к нам, волоча за собой мальчишку, который упирался, лягался ногами и ревел на весь лес.

— Пока не доведешь до Пустой сторожки, не видать тебе дома, как своих ушей, — сказала Ирина.

— Там шестьдесят человек голодные сидят, а мы будем с тобой церемониться, — добавила Зюлейка.

Но мальчишка еще громче закричал и укусил повариху за руку. Та взвизгнула. Я бросился к Ирине на помощь, но тут где-то совсем близко чей-то грубый голос спросил:

— Эй, кто тут есть? Что за драка?

Лошадь остановилась. Ирина выпустила мальчишку, и он убежал, не переставая реветь.

— Что за драка, спрашиваю? Ну! — повторил тот же голос.

Мы увидели, что перед нами, загораживая дорогу, стоят двое каких-то парней: один высоченный и широкоплечий, другой хоть и поменьше, но все же на голову выше каждого из нас.

— Кого вы тут бьете? За что вы его? — спросил высокий.

Он чиркнул спичкой и прикурил папиросу. На голове его был вязаный берет, а из-под берета на левую бровь свисал длинный мокрый чуб. Голова другого парня была закрыта от дождя пиджаком.

— Мы... мы вовсе его не бьем, — сказала Ирина.

— Мы даже совсем его не бьем, — повторила Зюлейка. — Мы только просили его показать нам дорогу до Пустой сторожки, а он не хочет.

Парень с пиджаком на голове недоверчиво хмыкнул.

— Видно, хорошо просили! На весь лес орал. Сами-то откуда?

Ирина сказала, что мы обоз пионерской колонны.

— А везете чего? — спросил длинный.

Мне такой вопрос не очень-то понравился. Мы с Ириной промолчали. Но Зушка сдуру выболтала все:

— Везем? Ну, всякое продовольствие: картошку, масло, сахар, консервы...

Высокий пыхнул папиросой, и я увидел, что он подмигивает товарищу большим черным глазом.

— Во, Коза! Это закуска! Не то что у тебя...

— Да, Филька, это в самый бы раз!

Парни замолчали, словно в раздумье. Я понял, что надо действовать.

— Но! Но, пошла!

Я ударил клячу хворостинной. Та двинулась вперед. Мне показалось, что Филька сейчас остановит ее, но он шагнул в сторону, уступая нам дорогу.

Наверное, с минуту мы шли молча, прислушиваясь и оглядываясь назад. Никто нас не догонял. Наконец Зюлейка тихо сказала:

— А что? И прекрасно могли бы ограбить.

— Нужно было тебе болтать! — проворчала Ирина. — «Чего везете?» — «Ах, пожалуйста, и сахар, и масло, и...»

— Эй, обоз! — закричал Филька.

Скрывать не буду: я со страху чуть не попал под колесо телеги.

— Погоняй, погоняй, Митя, — зашептала начальница обоза.

Я и так уже нахлестывал клячу изо всех сил, но она только чуть-чуть прибавила шагу.

— Эй, обоз, погоди! — снова закричал Филька, и мы услышали, как он тяжело шлепает по лужам, догоняя нас.

Зюлейка, шедшая рядом со мной, споткнулась, упала и молча поднялась. Я выронил из рук хворостину.

— Да что вы, маленькие, в самом деле? — сердито сказал Филька, поровнявшись с нами. — Тррр!

Лошадь опять остановилась. В этом месте дорога пересекала небольшую поляну. Здесь было светлее. Я опять разглядел Филькин чуб и два больших черных глаза с блестящими белками. Он смотрел прямо на меня.

— Вы куда идете-то?

— В Пустую... сторожку идем, — еле выдавил я.

— Заворачивай назад!

Ира отошла в дальний конец полянки и оттуда сказала:

— По... почему это назад?

— Потому! Пустая сторожка — в той стороне. Заворачивайте!

Я вспомнил, как мальчишка крикнул нам: «Прямо!» Мне стало ясно, что Филька врет.

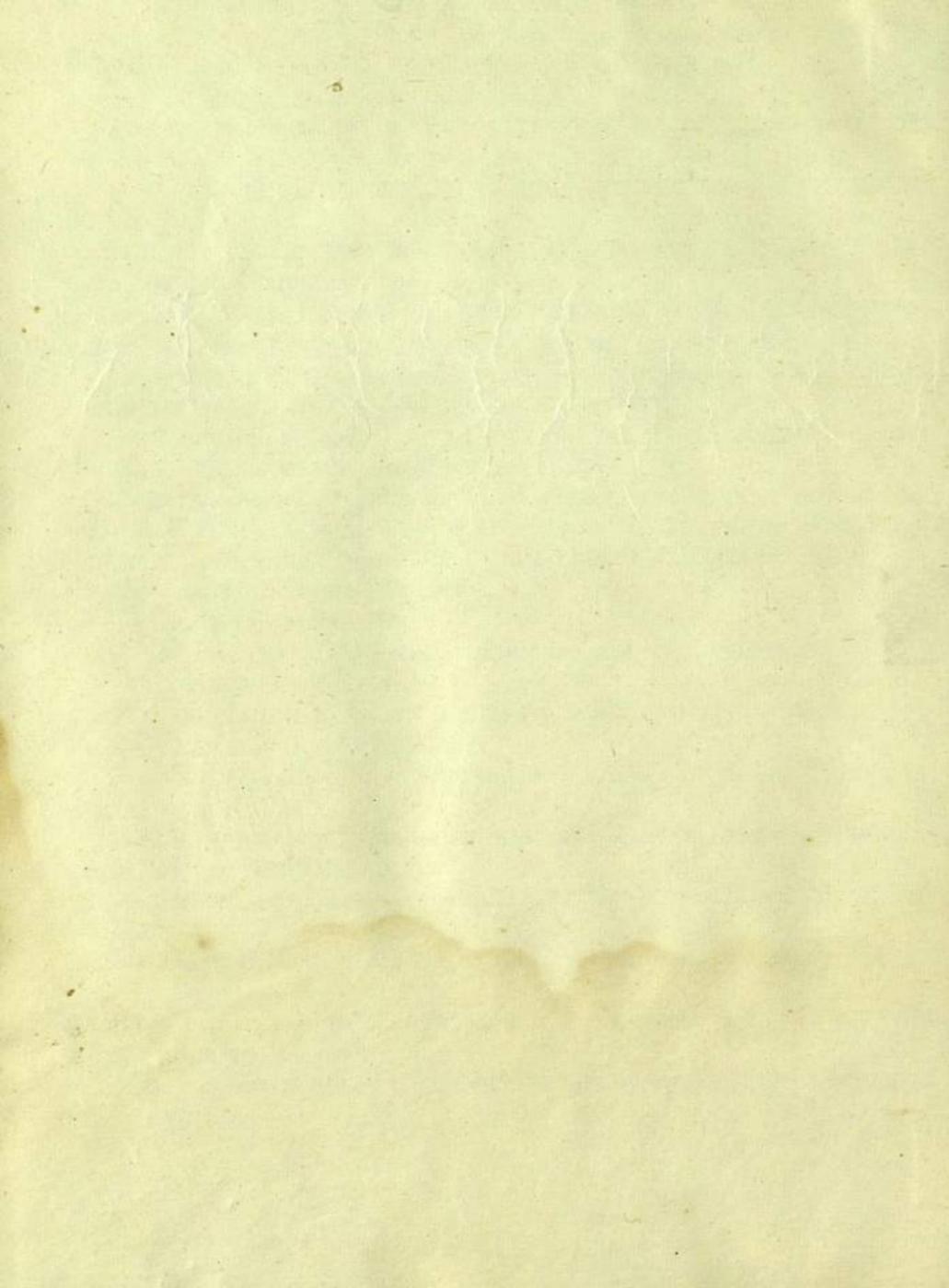
— Ничего подобного, — сказала Ирина. — Вовсе не в той стороне.

— Да что, я с вами цацкаться здесь, что ли, буду! Коза! Действуй!

Коза, который тоже подошел к нам, взял клячу под уздцы и стал поворачивать ее.

Мы с Зушкой стояли не шевелясь. Ирина сказала откуда-то из-за кустов:

35

— Вы не имеете права... Вы знаете, что вам за это будет!..

— Я тебе дам «будет»! — протянул Филька. — Поговори у меня!

— Чудной народ! — сказал Коза, возясь с лошадыю. — Им одолжение, так сказать, делают, а они...

— Не надо нам никакого одолжения! Мы сами знаем, куда итти.

Коза что-то шепнул Фильке. Оба засмеялись. Потом Филька громко проговорил:

— Ну и пускай!.. Эй, обоз! Вы теперь не очень-то разоряйтесь. Вы теперь вроде как в плен попали.

Парни опять рассмеялись и пошли по дороге в обратную сторону, ведя за собой лошадь. Что нам осталось делать? Мы поплелись за телегой, держась, на всякий случай, подальше от нее.

Мы так растерялись, так были взволнованы, что долго не говорили ни слова. Было попрежнему темно, мы то и дело спотыкались о корни деревьев или оступались, попадая ногами в размокшие глубокие колеи дороги.

Скоро мы вышли на просеку, пересекли то место, где полчаса назад искали дорожный знак. Затем дорога опять углубилась в лес.

— Грабители? Да? — тихо сказала Зушка.

— Нет. Феи добрые, — ответила Ирина.

— А может быть, и никакие не грабители, — сказал я. — Если бы они хотели нас ограбить, могли бы и там это сделать. Зачем им таскаться с нами по всему лесу?

— Очень понятно: хотят в глухое место завести.

Я ничего не мог возразить. Мне показалось, что Зушка права. Дорога, по которой мы теперь шли, походила на тоннель, узкий и темный. Если раньше сквозь ветки хоть изредка виднелось мутное небо, то сейчас над нашими головами было черным-черно.

Ирина сказала:

— А может быть, просто хулиганы. Поводят-поводят, возьмут немного консервов и отпустят.

Парни впереди о чем-то разговаривали, иногда чему-то смея-

лись. Мы ускорили шаги, догнали обоз и стали слушать их разговор.

— Ну, а дальше что? — спросил Филька.

— Дальше, стало быть, так: Нюрка ревмя ревет: «Жалко, говорит, он такой молоденький да такой хорошенький, пожалей ты его». У меня и у самого на сердце кошки скребут, да что делать? Денег ни гроша. Хочешь — не хочешь, а решайся. Отослал Нюрку к соседям, а сам хожу по двору и трясусь. Ни разу в жизни такими делами не занимался. Потом все-таки набрался духу и пошел к нему. Вхожу — топор за спиной прячу... А он встал и на меня смотрит, будто догадался! Сжал я зубы, да ка-ак трахну его... и бежать! Сегодня весь день он мне мерещится...

— Чудак! — засмеялся Филька. — Позвал бы меня. Я б его быстро!

Мы больше не слушали. С нас было довольно. Мы остановились, дали парням уйти с телегой метров на двадцать вперед и только после этого двинулись дальше, еле передвигая ноги.

— А... а нас они почему-то не трогают, — прошептала Зушка. — И даже не следят.

— На что мы им нужны! Им продукты нужны, — ответила Ирина.

Черный тоннель, по которому мы шли, неожиданно кончился. Мы увидели перед собой узкую спокойную речку, над ней — небо с рваными тучами и звездами между ними. Дорога свернула вправо и пошла вдоль берега. Здесь было намного светлей, и мы смогли еще больше отстать от телеги, не теряя ее из виду.

— Уж лучше бы они нам чего-нибудь сделали! — вздохнула Зюлейка.

— Это почему же лучше?

— Потому что если бы кто-нибудь из нас пострадал от них, так у нас было бы хоть оправдание, а теперь нас спросят: «Где телега? Где лошадь? Где продукты?» — «Какие-то дяди забрали». — «Как так «забрали»?» — «Взяли лошадь под уздцы и увели». — «А вы что делали в это время?» — «А мы смотрели».

После этого мы долго шли, не говоря ни слова. В одном месте река делала петлю. Обогнув ее, мы увидели далеко

впереди на противоположном берегу высокий черный холм, поросший не то кустарником, не то лесом. На вершине его мерцал красноватый огонек. Я заметил, что Ирина как-то странно поглядывает то на этот огонек, то на нас с Зюлейкой, то на телегу, которая темным пятном колыхалась впереди. Вдруг повариха остановилась и, тронув меня за рукав, прошептала:

— Митя! Ты хорошо плаваешь?

— Плохо. А что?

— Я хорошо плаваю, — шепнула Зушка.

— Речку переплывешь?

— Переплыву. А зачем?

— Прыгай в воду и плыви. Видишь впереди огонь? Значит, там люди. Пробрись к ним и позови на помощь.

— А вы? — тихо спросила Зушка.

— А мы пойдем дальше. Будем следить.

Зушка больше не задавала вопросов. Она даже тапочки не сняла. Она сошла с дороги, села на край берега, поросший травой, и, как была, в короткой юбке, белой кофточке и пионерском галстуке, соскользнула в темную воду.

Ни всплеска, ни шума... Только блестящие полоски пошли по воде.

Мы с Ириной продолжали свой путь. Мы шли и все время оглядывались. Нам хорошо были видны Зушкина белая кофточка и черная голова. Вот помощница повара подплыла к кустам, росшим на том берегу. Вот она ухватилась за ветки и стала вылезать из воды. Речка была такая узкая, что мы ясно слышали, как стекает вода с одежды помповара. Вот Зушка скрылась в кустах. По слабому шуму мы догадались, что она идет очень быстро, обгоняя нас.

— Эй, обоз!

Мы с Ириной остановились как вкопанные. Шум в кустах на том берегу утих. Заглядевшись на Зюлейку, мы не заметили, что телега остановилась, и подошли к ней так близко, что чуть не наткнулись на нее.

— Где вы там? Обоз! — Филька оставил лошадь и неторопливыми шагами направился к нам.

Я понял, что все пропало, что нам теперь не удрать. Как видно, поняла это и старшая повариха. Она закусил губу и сложила руки на груди. Можно было подумать, что она уже приготовилась к смерти и спокойно ждет ее. Я тоже постарался сделать решительное и бесстрастное лицо, выставил вперед одну ногу, но она у меня начала так дрожать, что пришлось убрать ее обратно.

Филька остановился в двух шагах от нас.

— А где подружка-то ваша, которая с вами была? — спросил он.

Ирина помолчала, поболтала зачем-то опущенной рукой и наконец ответила каким-то хриплым, не своим голосом:

— Там где-то...

— Там, говоришь? Ну-ну! Так вот слушайте, ребята. Видите бугор на том берегу? Это и есть Пустая сторожка. Видать, это ваши пионеры костер жгут. Вы только чуток вперед пройдите, там брод будет — через речку перейти. Ну, а нам сюда. Счастливи!

И наши «грабители» стали удаляться по тропинке, которая вела вправо от дороги.

Несколько секунд мы стояли, как истуканы. Потом Ирка опомнилась и закричала:

— Спасибо!

— Спасибо! — крикнул и я.

— Не за что! — отозвался Коза. — Эй, погоди! Соль! Про соль забыл! — Он повернулся и побежал обратно к нам. — Ребята! Сольцы щепотку не одолжите? Такое, понимаешь, дело... Теленка сегодня зарезал. Дружка на ужин пригласил, а соли нет. Забыл купить.

Ирина забралась на воз, подняла брезент и насыпала Козе целую пригоршню соли. Когда парень ушел, она громко позвала:

— Зушка-а!

— Ау! — откликнулись с того берега.

— Ты слышала?

— Все слышала, — ответила помповара грустным голосом.

— Плыви назад!

Зушка переплыла реку, вылезла из воды и, словно кого-то утешая, проговорила:

— Что ж! Мы не знали, что они не настоящие бандиты... А если бы они оказались настоящими, мы все равно спасли бы телегу и лошадь.

Больше приключений у нас не было. Скоро мы добрались до брода. Дорога обрывалась у самой воды. За рекой возвышался пригорок, на нем горели костры и бегали наши пионеры.

— Пришли! — вздохнула Зюлейка.

Я повел клячу в воду.

На середине реки, когда вода мне стала по пояс, кляча остановилась.

— Но! — сказал я негромко.

Но лошадь не двигалась. Ира и Зушка навалились на телегу сзади. И это не помогло. Кляча повертывала голову, смотрела на нас и не сходила с места.

— Устала, — сказал я. — Подождем немного, сама пойдет.

Мы забрались на воз и сели там, мокрые и продрогшие.

— И все-таки мы выполнили свой долг! — ляская зубами, проговорила Зушка.

— Сережа! — крикнул кто-то в кустах на берегу.

— Здесь они, тут!

— Где — тут?

— В речке сидят!

— Как так в речке?

— А я почему знаю!

Мы услышали радостные крики на пригорке:

— Обоз нашелся!

— Живем! Картошка приехала!

Ребята с шумом сбегали на берег.

— Ирина! — позвал Сергей. — Иринка!

— Я!

— Два часа вас ищем! Что случилось?

— Лошадь устала и не хочет идти.

— Ребята, тащите их! — приказал Сергей.

С десяток мальчишек бросились в воду.

Так окончилось наше путешествие.

Сергей и несколько старших ребят пошли за вожатыми, которых послали на поиски обоза. Нас усадили сушиться на лучшее место у самого жаркого костра. Вокруг собрался чуть ли не весь лагерь. Мальчики и девочки, старшие и малыши, стояли, сидели и лежали на траве, и все не отрываясь смотрели на нас, слушали рассказ Зюлейки.

Когда Зюлейка рассказывала о том, как двое парней подошли к нам и стали спрашивать, что лежит на возу, Ирка вдруг вскочила и уставилась туда, где стояла телега.

— Эй, что вы там делаете? — закричала она. — Что вам нужно?

— Ира, мы картошку берем, — отвечал девчачий голос. — Сергей велел нам сегодня ужин варить, а вам — отдыхать, потому что вы устали.

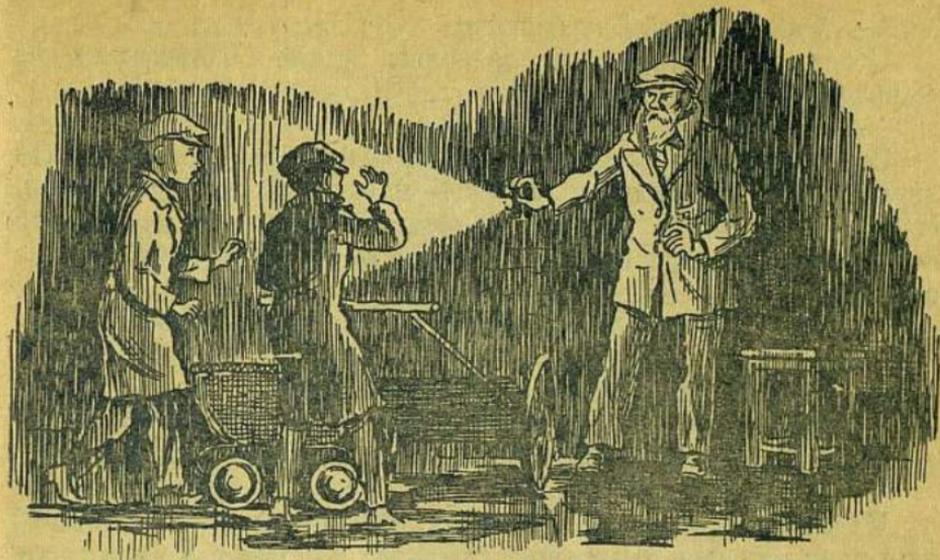
Ира сорвалась с места, перепрыгнула через несколько человек и исчезла.

— Положи обратно! Положи картошку! Слышишь? — закричала она где-то в темноте. — Не тебя назначили в обоз, и не лезь. Положи картошку. Зушка, сюда!

И Зушка, не докончив рассказа, помчалась на помощь к поварихе.

Этого я никак от них не ожидал.

В ТЕМНОМ ПАРАДНОМ

Это случилось ноябрьской ночью 1941 года.

Жутко было и тоскливо старичку-жильцу, дежурившему в воротах дома № 8 по Узкому переулку.

Москва, огромная, настороженная, притихла. В темных улицах, где топорщились на перекрестках противотанковые ежи и сложенные из мешков с песком баррикады, было пусто. Шел дождь вперемежку со снегом. Глухо стучала вода по железу водосточных труб.

Сидя на табурете под аркой ворот, старик ежился от сырости, прислушивался и, точно курок револьвера, нащупывал в кармане кнопку электрического фонарика.

Кто-то шлепал по лужам возле самого дома. Неуверенные шаги то приближались, то удалялись. Сквозь шум дождя слышался негромкий голос:

— Лева, ворота! Давай сюда!

Что-то, постукивая и дребезжа, стало надвигаться из темноты на деда. Он вскочил:

— Стой! Кто таков?.. Погоди!..

Вспыхнул свет фонарика. Перед дежурным стояла ручная двухколесная тележка, а за ней — мальчишка лет тринадцати. Небольшого роста, скуластый и коротконосый, он хмуро поглядывал на деда из-под козырька кепки, с которого капала вода.

— Чего надо? Кто таков? — почти крикнул всполошенный дед.

— Ничего. Мы бутылки пустые собираем.

— Какие такие бутылки? Нету здесь никаких бутылок!

Мальчишка обернулся и устало сказал через плечо:

— Левка, объясни ему.

Из темноты появилась плетеная детская колясочка, а за ней еще один мальчик, худенький, стройный, одетый в ладное серое пальто. Он вежливо поклонился и заговорил спокойным, тоненьким, как у девочки, голосом:

— Здравствуйте, товарищ дежурный! Понимаете, мы собираем пустые бутылки. Все ребята нашего двора собирают пустые бутылки для зажигательной смеси, чтобы уничтожить немецкие танки. Понимаете?

— Чай, не маленький, понимаю. А зачем ночью? — ворчал дед.

— Какая же ночь? Сейчас вечер, десять часов, не больше.

Мальчик вздохнул и снова принялся терпеливо объяснять:

— А это вот почему, товарищ дежурный. У нас норма — двадцать штук на человека, а мы взяли обязательство — вдвоем сто двадцать. Для этого, конечно, нужен транспорт. Но пока мы его доставали, прошел весь день. А завтра утром последний срок сдавать на склад. Вот мы и ходим.

— Сами откуда? Где живете?

— На Владимирской, двадцать два.

— Ишь в какую даль зашли!

— А это потому, товарищ дежурный, что другие ребята в нашем районе все бутылки собрали и нам ничего не осталось.

— Три часа ходим. Промокли, как мыши, — вставил мальчик с тележкой.

— Погоди, Михаил. Понимаете, мы ходили-ходили и собрали только тридцать одну бутылку. А нужно сто двадцать. Вот мы и решили итти подальше, где еще не все собрано. Понимаете?

Дед успокоился и важно сказал:

— Нельзя, время позднее.

— Мы, конечно, и сами понимаем, что это, конечно, не совсем удобно. Только ведь мы на минутку...

— Никаких «на минутку»! Не полагается.

— Что ж! — сказал Мишка. — Устали, как собаки, промокли, а теперь так и возвращаться? Бюрократизм просто!

— Я те дам бюрократизм! — вскипел дед. — Какое имеешь право оскорблять!

Мальчики увидели, что дела не поправишь. Они молча повернули коляску и тележку и поплелись из-под арки ворот в темноту.

Старик постоял немного на месте, потом вышел в переулок и оглядел свой дом.

— Эй, шестнадцатая, свет! Эй, шестнадцатая! — закричал он кому-то. — Передай в шестнадцатую!

Дед не заметил, как юркнули в ворота две тени, и не услышал слабого дребезжанья пустых бутылок.

Через несколько минут приятели стояли в темном парадном одного из внутренних корпусов.

— Во! — удовлетворенно сказал Миша. — Здесь уж, наверное, никто из ребят не бывал!

— ...ребят не бывал! — гулко прокатилось вдруг откуда-то сверху по всему парадному.

Ребята вздрогнули и на секунду притихли.

— Эхо тут, — догадался Лева.

— ...эхо тут, — подтвердило парадное.

Лева долго чиркал спичками о намокший коробок. Наконец одна из них вспыхнула. Мальчики огляделись.

Это было просторное парадное огромного дома. Этажей на девять подымалась широкая лестница. На каждую площадку

выходили двери четырех квартир. Много стекол в высоких окнах было разбито.

— Фугаска брякнула недалеко, — отметил Миша.

Спичка погасла. Шаркая ногами по кафельному полу, ребята добрались до одной из дверей. Лева долго нащупывал кнопку звонка. Нашупав, осторожно ткнул в нее пальцем. Никто не выходил отпирать. Миша проворчал:

— Звонишь ты как-то по-чуждому. Пусти!

Громкий, продолжительный звонок задребезжал за дверью. Ребята услышали быстрые шаги и встревоженный, хриловатый спросонок голос:

— Кто? Что случилось?.. Кто?

Дверь открылась. Яркий свет вырвался на площадку. У порога стоял высокий человек с седыми волосами и очками на носу, без пиджака.

Миша отважно спросил:

— У вас пустые бутылки есть?

Человек поправил очки, посмотрел на ребят и вдруг громко выпалил:

— Безобразие! Хулиганы!

Дверь с треском захлопнулась.

Постояв немного в нерешительности, мальчики подошли к другой двери и снова нащупали кнопку.

Дверь, заложенная на цепочку, тихо приоткрылась. Какая-то женщина негромко, очевидно боясь кого-то разбудить, спросила:

— Кто тут?

— У вас пустых бутылок не найдется?

— Господи! Каких еще бутылок?

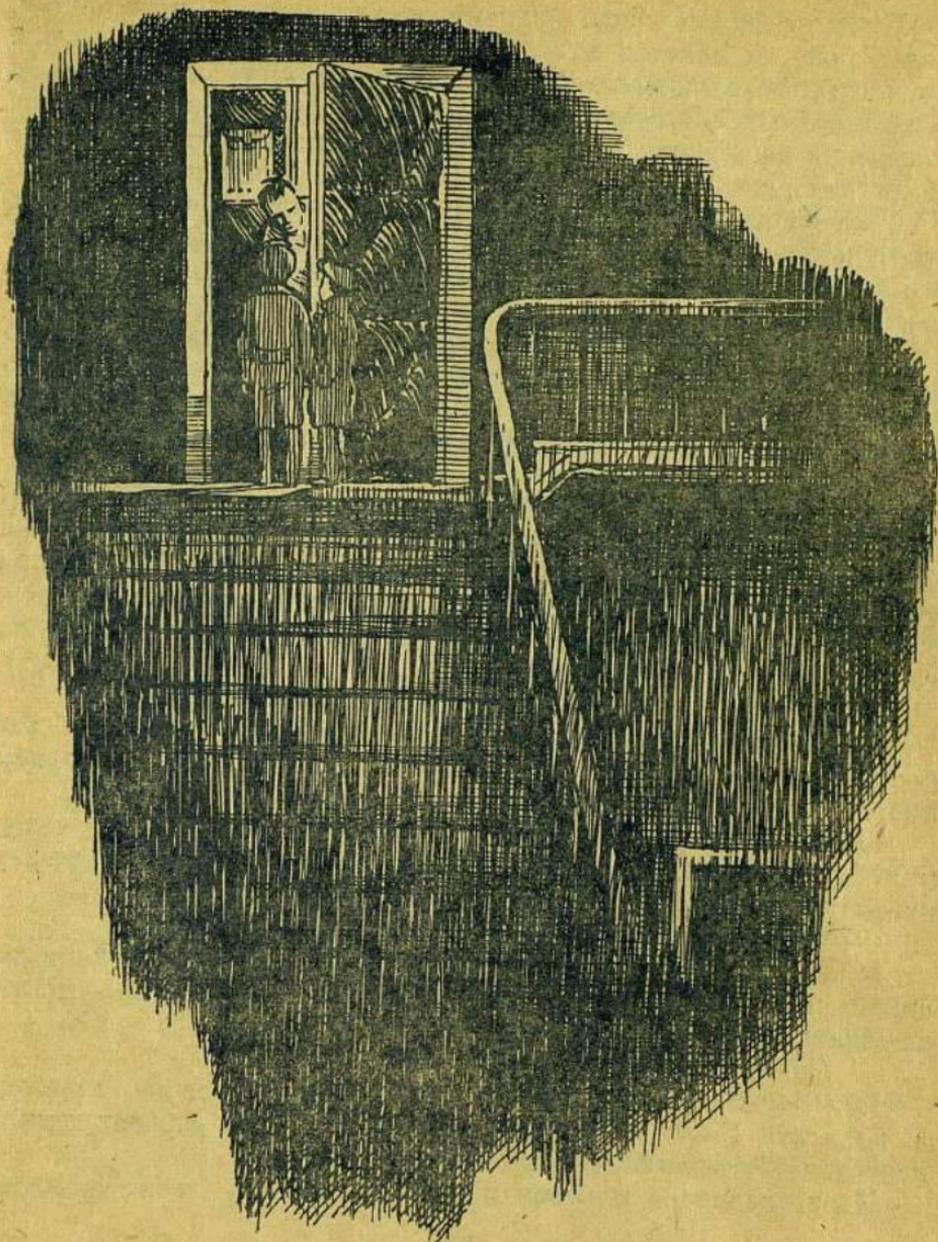
— Левка, скажи ей, — буркнул Миша.

— Здравствуйте, — начал Лева. — Понимаете, мы собираем пустые бутылки для горючей смеси против танков. У вас не найдется несколько пустых бутылок?

Женщина выслушала его и сказала тихо, но с сердцем:

— Неужели нельзя дать людям хотя бы минуту покоя? Первый раз за три ночи нет налета. Неужели обязательно нужно будить людей по ночам?

Дверь плавно, без шума закрылась.

Прошло около часу. Друзья, печальные и утомленные, подымались на девятый этаж. У них не было ни одной бутылки. Тридцать две звонковые кнопки нащупали они за это время в темноте, и все безрезультатно! Во многих квартирах никто не отзывался на звонки, в других невыспавшиеся, потревоженные люди бросали в ответ несколько слов и захлопывали двери.

Уже на пятом этаже ребята стали понимать, что их дело провалилось. Но они продолжали забираться все выше, нажимать все новые кнопки почти без надежды на успех, просто так, для очистки совести.

Это была последняя площадка. В двух квартирах никто даже не вышел на звонки, в третьей хоть и спросили: «Кто там?», но дверь не открыли. Стоя на темной площадке, Лева говорил про бутылки, а за дверью какая-то девочка несколько раз повторила:

— Никого нету дома. Никого нету дома.

Осталась последняя квартира. Здесь очень долго не отпирали. Миша, который с каждой неудачей становился упрямее и злее, позвонил раз пять. Наконец дверь распахнулась. Вышел здоровенный усатый человек. Он молча уставился на ребят, что-то жуя и шевеля усами.

Лева быстро, с каким-то отчаянием заговорил:

— Здравствуйте, товарищ! Вы простите, что мы вас беспокоим... У вас не найдется пустых бутылок? Мы собираем пус...

Человек повернулся и ушел в комнату, громко зевая. Через минуту он молча поставил у Левиных ног бутылку и, не сказав ни слова, захлопнул дверь.

— Вот тебе и все! — сказал Лева.

Мальчики стали медленно спускаться, держась руками за перила. Только теперь они почувствовали, как сильно устали, как промокли, как хотят есть.

— Спать бы теперь! — сказал Миша.

Они вышли во двор, где у подъезда оставили тележку и коляску. Было попрежнему очень темно, однако дождь перестал. Была полная тишина.

Вдруг издалека мягкими раскатами донесся звон кремлев-

ских курантов. Колокола пробили одну четверть, другую... третью... четвертую...

— Лева!.. Вдруг двенадцать?! — испуганно сказал Миша. Вдалеке ударил большой одинокий колокол, и его низкий звук поплыл над темной Москвой.

— Раз! — начал считать Лева.

Больше колокол не ударил. Только слышно было, как падают в лужи капли.

— Час! — прошептал Миша.

Лева растерянно забормотал:

— Ужасно глупо как... Что же теперь делать? Дома с ума сойдут. Придется пробраться как-нибудь... переулками. Прoberемcя?

Как нарочно, в этот момент с улицы донеслось мерное постукивание сапог, подбитых железными подковами. Миша повернулся и пошел обратно к парадному:

— Наверно, патруль! Слышишь? Какое там «прoberемcя»... Лучше ночевать будем здесь. Вот и все!

Он уже вошел в парадное, когда Лева окликнул его:

— погоди. Давай сложим все бутылки в коляску и возьмем их с собой.

— А что, они здесь размокнут, что ли?

— Не размокнут, но мало ли что может случиться! Придет кто-нибудь и заберет.

Миша вернулся. Они перегрузили бутылки, втащили коляску в парадное и сели на нижних ступеньках лестницы.

Москва после трех тревожных ночей спала. В окнах высоких домов не отражались ни голубые лучи прожекторов, ни красноватые вспышки зениток. И окон не было видно. Одни сплошные черные стены подымались к черному небу.

Спали москвичи. Спали жильцы большого дома по Узкому переулку. Спали чутко, не выключив на ночь радиорепродукторов.

Клевали носами в темном парадном двое продрогших, усталых ребят.

Часа в три ночи Лева поднялся и затеял в потемках какую-то возню.

— Что ты? — спросил Миша.
— Холодно. Зарядку делаю.
— Ну, так пошли наверх. Там, небось, теплее.
— Хорошо. Берем коляску!
— Да зачем нам ее туда тащить?
— Как «зачем»? Нельзя рисковать. Коляска пускай себе, но бутылки...

— Беспокойный ты какой-то, Левка! — проворчал Миша, но все же встал и взялся за коляску.

Долго мальчики тащили ее наверх, осторожно нащупывая ногами ступеньки. Они сразу согрелись. Никогда они не думали, что тридцать одна пустая бутылка весит так много.

— В каждой лестнице здесь тринадцать ступенек, — задыхаясь, проговорил Лева. — Ты считай и иди. Смотри: девять, десять, одиннадцать, двенадцать, три...

Тринадцатой ступеньки не оказалось. Оба сразу оступились. Коляска вырвалась из рук, покачнулась, и в ту же секунду звенящий грохот трех десятков разбитых бутылок наполнил гулкое, резонирующее парадное.

Ребята сели на корточки и перестали дышать. Долго гудело парадное, как рояль с нажатой педалью... Открылись двери. Мальчики услышали звонкий девичий голос:

— Мама, без паники! Без паники!

Открылась вторая дверь... Открылась третья дверь... Открылись четвертая, пятая, шестая...

Десятки голосов, низких и высоких, звонких и приглушенных, спокойных и плаксивых, зазвучали на всех площадках темной лестницы.

— Почему радио молчит? — раздался заспанный голос сверху.

— Гога, ты здесь? Гога! — неслось со второго этажа.

— Ну да, я же слышала, как стекла посыпались.

— Так меня, милые, на кровати и подбросило!

— Где подбросило?

— Чего?

— Где бросил, говорю?

— Должно быть, в Малом Колокольном.

- Граждане! А может, это и не фугаска?
- Как же! «Не фугаска»! Всю ночь зенитка хлопала.
- Нет. Это не зенитки. Это дверями кто-то хлопал.
- Кто хлопал?
- А кто их знает! Кто-то все хлопал.

Голоса продолжали перекликаться, но оцепеневшие на ступеньках ребята больше не разбирали ни слова. Кто-то совсем неподалеку чиркал над их головами спичкой. Чиркнул раз — спичка не загорелась... Чиркнул снова — и снова безрезультата. Чиркнул третий раз.

Слабый красноватый свет заиграл на рассыпанных полестнице бутылочных осколках. В ту же секунду ребята услышали голос:

— Это что такое?

Двумя ступеньками выше стояла немолодая женщина в сером платке.

— Кто вы такие, товарищи, и как сюда попали? — обратилась она к ребятам.

— Мы... мы пустылки бутые... собираем, — еле выговорил Миша.

— Ничего не понимаю! — сказала женщина и крикнула: — Граждане, тише!

Голоса на лестнице стали звучать приглушенно:

— Что? Не понимаю.

— Нашли чего-то?

— Позвольте пройти!

— Кого нашли?

Спичка погасла. В наступившей темноте кто-то прокричал:

— Мария Михайловна, что же все-таки случилось?

— Успокойтесь, граждане. Сейчас мы все выясним. Так как же вы сюда попали и что вы тут делаете?

Голоса на лестнице смолкли. Наступила тишина. Лева вздохнул, кашлянул несколько раз и заговорил каким-то особенным, хрипловато-пискливым голоском:

— Граждане, вы нас простите, пожалуйста! Извините, что наделали тут шум. Мы никакие не воры и не хулиганы, а просто мы собираем...

— Господи! Опять бутылки! — простонала женщина на нижней площадке.

— Для горючей смеси, — заторопился Лева. — Мы ходили-ходили — и не заметили, что уже поздно. И пришлось ночевать. Мы просто уронили коляску, и бутылки разбились. Извините, пожалуйста. Мы подберем все и уйдем.

Лева опять закашлялся и смолк.

— В милицию надо, — убежденно проворчал чей-то бас.

И лестница заволновалась, зашумела:

— Я четырнадцать часов работал!

— Безобразие! Такой шум поднять!

— Тише, граждане! — сказала Мария Михайловна. — Нельзя же, в самом деле, так волноваться! Ну, чего вы хотите? Чтобы я отвела их в милицию?

Только теперь Миша понял, какую они допустили глупость. Ведь на лестнице было темно! Ведь ничего не стояло тихонько

выйти во двор и отсидеться там где-нибудь в уголке. Он нащупал ногой нижнюю ступеньку и зашептал:

— Лева... Лева... удерем!

Поздно! Рука Марии Михайловны крепко взяла его за плечо. Ноги у Миши задрожали, ему захотелось плакать.

Но Мария Михайловна неожиданно разжала пальцы и провела рукой по спине мальчика.

— Гм! Граждане, куда же я их поведу? Они все мокрые.

Люди в парадном притихли.

— Как? — не понял кто-то.

— Я говорю: они мокрые насквозь.

На лестнице снова раздалась, уже тише, недоумевающие голоса. Одни спрашивали, кто мокрый, другие отвечали, что мальчишки мокрые, третьи спрашивали, какие мальчишки, четвертые отвечали, что те, которых в милицию хотят отвести... Прошло минуты две, пока жильцы на всех этажах уяснили, в чем дело. Тогда громкий мужской голос спросил наверху:

— Где же это их... угораздило?

Ребята молчали.

— Слышите? Где это вы намокли? — повторила вопрос Мария Михайловна.

— Где? Под дождем, конечно. Три часа ходили.

— И все за бутылками? — спросил голос сверху.

— За бутылками.

— Вам что, платят за это?

— Странно просто! — обиделся Лева. — Конечно, ничего не платят!

— Общественники, значит?

— Конечно!

Голос хмыкнул, помолчал и сказал медленно:

— Слышите, граждане: работают, со временем не считаются.

— Да объясните же мне наконец, на что им эти бутылки! — опять простонала женщина на самой нижней площадке.

— А это очень просто, — ответила Мария Михайловна. — Это бутылки для горючей смеси. Смесь поджигают и бросают в неприятельский танк.

— Нет, не поджигают. Она сама воспламеняется от соприкосновения с воздухом.

— Всякие бывают смеси: и которые от спички и которые от воздуха.

Некоторое время в потемках горячо спорили о боевых свойствах зажигательных смесей. Миша и Лева с тоской слушали все эти разговоры, гадая, что с ними будут делать дальше. Но вот кто-то сердито сказал:

— Взбаламутил Гитлер весь народ!

— Всю Европу, проклятый, искорежил!

— Да я бы... да я бы не только бутылки... я бы всю мебель отдала, только бы он сгорел, проклятый!

— Чего там мебель! Вы бутылки-то отдайте.

— И отдам! Нюрка, пойдти на кухню, там в углу, за бидоном, три бутылки.

Лева тихонько ударил Мишу кулаком в бок. Тот слегка дернул его за рукав.

Мария Михайловна устало проговорила:

— Ну, граждане, у кого там есть еще бутылки? Сдавайте скорее — и спать.

— Сейчас. У меня есть, — совсем не сердито сказал мужской голос, предлагавший отвести ребят в милицию.

Прошло минут пятнадцать. Мария Михайловна стояла с ребятами на самой нижней площадке и кричала:

— Граждане! Граждане! Будем организованными. Нельзя же мальчишкам по всем этажам бегать. Несите сами сюда!

По всей огромной лестнице вспыхивали и гасли спички, мигали огоньки свечей, и в их слабом, дрожащем свете двигались темные фигуры. Все несли бутылки на нижнюю площадку, где стояли двое ребят.

Маленькие и большие бутылки от вина и от лимонада, от пива и от соуса «кабуль» слабо цокали донышками о кафельный пол, и число их росло и росло.

Миша и Лева, изумленные, молчаливые, стояли и глядели на притекавшее из тридцати шести квартир богатство. Они стояли совершенно неподвижно, и только Миша шевелил губами, считая новые бутылки благоговейным шопотом:

— Сто двадцать восемь... Сто тридцать одна... Сто сорок...

Но они еще больше удивились, когда открылась дверь первой квартиры и из нее вышла длинная фигура в накинутом на плечи черном пальто. Это был седой гражданин в очках, обзававший их хулиганами. Он подошел к ребятам, держа в одной руке бутылку, а в другой зажженную свечу, посмотрел на них, склонил голову набок и спросил:

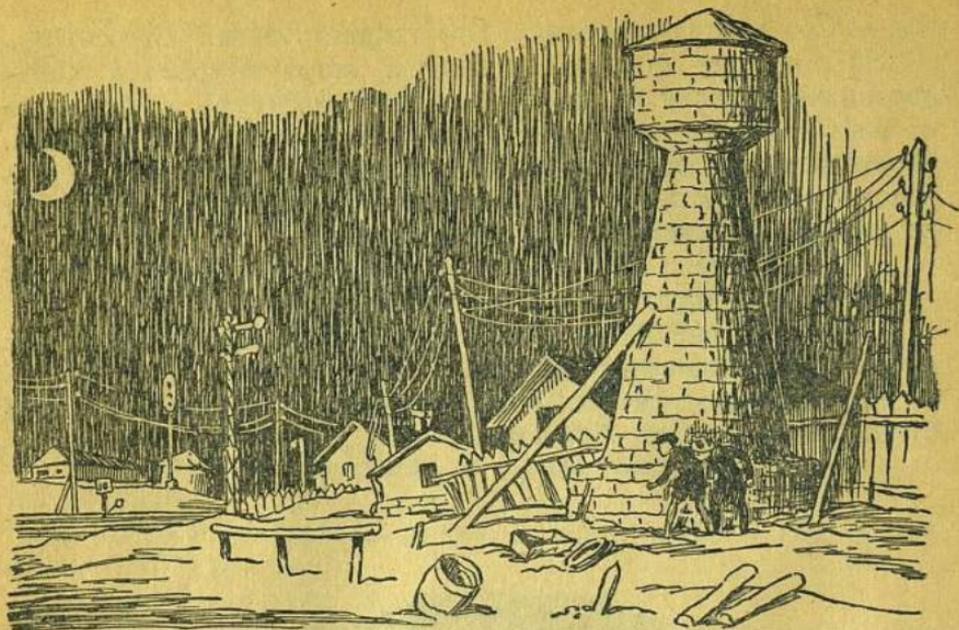
— Позвольте... Молодые люди, а где вы будете ночевать?

— У меня можно, — сказал один из жильцов.

— Гм... У вас? А то, знаете, пожалуй, ко мне... У меня два дивана... электрический чайник...

И, медленно нагнувшись, гражданин поставил на пол бутылку с надписью «Боржом».

«КАЛУГА» — «МАРС»

В эту дождливую ночь совсем близко от городка ухали орудия. Немцы были в двенадцати километрах.

С маленькой станции только что ушел последний эшелон, увозивший в тыл женщин, стариков и детей. Коротко постукивая, прошли теплушки, в которых плакали младенцы, проползли длинные пассажирские вагоны с чуть заметным светом в замаскированных окнах, процокала открытая платформа с зенитным пулеметом и красноармейцами. Эшелон исчез в темноте. Шум его колес постепенно затих. На опустевшей станции осталось только несколько железнодорожников, часовые на перроне и среди путей да двое мальчишек лет по одиннадцати, притаившиеся под башней водокачки.

Один из них — черноглазый, круглощекий, в длинном пальто с поднятым воротником, обмотанным шарфом, в меховой шапке, другой — худенький, юркий, в коротком черном бушлатике и в черной кепке.

Они долго стояли молча возле мокрой стены, прислушиваясь к шагам часового на перроне и к гулким выстрелам орудий. Потом черноглазый прошептал, чуть шевеля пухлыми губами:

— Слава! Слава!

— Ну?

— Слава, ты куда записку сунул?

— К маме в укладку с постелью.

— К моей маме?

— Нет, к моей. Стой тихо. Услышат!

Они помолчали. Через минуту опять послышался шопот:

— Слава! А, Слава!

— Чего тебе?

— Слава, что ты написал в записке?

— «Что, что»! Написал: «Дорогие мама, бабушка и Вера Дмитриевна! Мы убежали с поезда. Мы хотим грудью защищать город от фрицев. Пожалуйста, не волнуйтесь и не беспокойтесь». Ну, и все. Стой тихо и ничего не говори! Понял?

— Понял.

В молчании прошло несколько минут. Шаги удалявшегося по перрону часового слышались все слабей. Когда они затихли, Слава отошел от стены и осмотрелся, придерживая за лямки рюкзака.

— Мишка! Пошли!

Его приятель подошел к нему с большим, туго набитым портфелем. Оба крадучись прошли через калитку в деревянной ограде станции, секунду помедлили и бросились бежать в дождь, в темноту.

На привокзальной площади они никого не встретили и дальше пошли шагом, держась поближе к заборам и стенам домов. Одна из калош у Славы то и дело соскакивала. Тяжелый портфель бил Мишу по ногам. Оба промокли от дождя и вспотели, но шли не останавливаясь, отчаянно торопились.

Городок, такой знакомый днем, казался теперь чужим и страшным. Ни одного человека не было на улице. Ни одно окно не пропускало света. Даже собаки, обычно лаявшие в каждом дворе, теперь молчали. Только изредка в темных парадных домов покрупней или под арками ворот краснели огоньки папиросок. Это дежурные жильцы стояли на своих постах. Заметив их, ребята или пускались бегом, или же шли крадучись, чуть дыша.

Так они добрались до центра городка. Впереди, пересекая улицу, прогремыхали не то танки, не то тягачи и свернули в темный переулок. Потом торопливо, почти бегом, навстречу ребятам прошел взвод красноармейцев. Мальчики спрятались от них в щель между киосками, где когда-то шла торговля морсом и табаком. Они задержались там, чтобы немного отдохнуть.

— Слава! — тихо позвал Миша.

— Что?

— Слава, а ты написал в записке, что мы теперь, может быть, совсем погибнем?

Слава рассердился:

— Ты... ты, Мишка, совсем как маленький! У человека голова прямо болит от заботы, а он со своими дурацкими вопросами! Ну зачем я им буду это писать? Чтоб они поумирали со страху? Да?

Миша не ответил. Он опустил на корточки и некоторое время молчал, смывая носом. Затем опять зашептал, еще тише:

— Слава!

— Опять!

— Слава, честное слово, это последний вопрос... Слава, от какой заботы у тебя болит голова?

— От какой? А вот от какой: нам надо пробраться на передовую так, чтоб не попасться патрулю. Как найти эту самую передовую? Куда нам пойти? Ты об этом подумал?

— Я не думал об этом, но, по-моему, Слава, где пушки стреляют, там и передовая.

Мальчики отправились дальше. Еще несколько раз они спрятались, услышав, как шлепают по лужам тяжелые сапо-

ги патрульных, и только через час выбрались на окраину городка.

Здесь было особенно пустынно и неприятно.

Грохот орудий раздавался намного сильнее. Слава остановился на перекрестке немощных улиц и спросил:

— Где ж теперь стреляют? Куда итти?

Мальчишки топтались на месте, растерянно поворачиваясь во все стороны. Грохот, тяжелое буханье слышались теперь не только спереди, но и справа, и слева, и позади.

— Слава! Чего это? Слышишь?

Какой-то странный шипящий свист, то нарастая, то затихая, шел сверху, с мигающего неба. Слава подставил левое ухо под дождь, чтобы прислушаться, но тут вдруг раздался не свист, а вой, в темных окнах домов блеснул свет, и через секунду земля дрогнула от мощного удара.

— Слава! Знаешь чего? — прокричал Миша. — Слава, это, наверное, немцы из дальнобойных стреляют. Слава!..

— Ну... Ну и что же, что стреляют? Ты только... ты только не трусь, пожалуйста... Ничего тут такого нет, что стреляют.

— Слава, я не трушу... только знаешь чего, Слава... Зачем мы здесь стоим? Уж итти, так итти. А, Слава?

Оба торопливо зашагали, с трудом удерживаясь, чтобы не бежать.

— Обстрел — как обстрел. Обыкновенное дело! — говорил Слава.

— Ага! Обыкновенное дело, — соглашался другой, слегка подпрыгивая при каждом новом ударе.

Вдруг Слава заметил, что его товарищ исчез.

— Мишка! Ты где? Ты чего?..

— Слава! Знаешь... странная вещь! — донеслось из темноты. — Уронил портфель и не могу найти.

Слава остановился.

— Ну! Нашел?

— Нет. Слава... Странная вещь!

— Нашел? — послышалось через секунду.

— Не!.. Вот ведь! Странная вещь!.. Слава, ты здесь? Слава! Наконец Миша нашел портфель в большой луже и присо-

единился к товарищу. Но тут у Славы соскочила калоша. Он нагнулся, чтобы надеть ее. Вдруг яркий столб света поднялся из-за ближайшего дома, и раздался такой грохот, что у Миши сердце чуть не выскочило. Зазвенели стекла. Где-то громко закричала женщина. Через секунду приятели уже мчались по лужам: один с портфелем, другой с калошей в руке.

Они не заметили, как выбежали за город, как попали в Большую рощу. Бежали долго, очень долго. Разрывы позади уже прекратились, а ребята продолжали бежать, тяжело и хрипло дыша.

— Стой! Кто идет? — раздался вдруг отрывистый окрик. Мальчики стали как вкопанные.

— Попались! Патруль! — прошептал Слава.

— Кто идет? — прозвучало в темноте громче и тревожнее.

— Это... мы... — нерешительно сказал Миша.

— Кто — мы?

— Советские граждане, — пояснил Слава.

— Какие такие советские? Ложись!

Щелкнул затвор винтовки. Мальчики, не издав ни звука, плюхнулись на землю. В этот момент чей-то бас произнес:

— В чем дело, Симаков?

— Ходит там кто-то, товарищ караульный начальник. Я положил его.

— Эй! Кто там есть? Отвечай! — громко спросил бас.

— Советские граждане. Школьники, — повторил Слава, чуть приподняв голову.

— Ну-ка, Жиров... За мной!

Послышались шаги. На секунду вспыхнул свет карманного фонаря и ослепил ребят. Фонарь тут же погас. Мальчики увидели перед собой двух красноармейцев.

— Кто такие? Как сюда попали? — спросил один из них басом.

Мальчики встали. Миша совсем растерялся и молчал. А Слава поправил кепку и заявил решительным тоном:

— Мы... Нам к командиру нужно.

— К какому такому командиру?

— По какому вопросу?

— Добровольцами хотим поступить.

— Жиров, слышишь? — сказал бас товарищу. Затем обратился к ребятам: — Та-ак! А родители ваши где?

— Уехали. Эвакуировались они.

— А вы как же?

— А мы остались.

— Утекли?

— Вовсе не утекли, — соврал Слава. — Просто нас отпустили — и все.

— Воевать отпустили?

— Ну да.

Красноармейцы захохотали. Насмеявшись, они долго молча разглядывали ребят.

— Во, Жиров, дело-то! Как же теперь быть?

— Дежурному нужно доложить, товарищ сержант.

— Дежурному? Гм! Верно! Пошли к дежурному. Пусть разбирается. Ну, вояки, идем!

Они повели мальчиков лесом, изредка на секунду освещая фонариком путь, и вскоре остановились около узкой темной щели в земле.

— Обождите здесь.

Сержант спустился в щель по деревянным ступенькам. Через несколько минут его голос послышался откуда-то слева: — Жиров! Давай их прямо к лейтенанту.

Ребята с помощью Жирова спустились в щель и пошли по ней, задевая плечами глиняные стенки.

— Слава! Правда, совсем как в настоящих окопах? Да? — прошептал Миша.

Щель вела под невысокий земляной бугор. Стало совсем темно. Но вот Жиров открыл какую-то дверцу, и все трое очутились в светлой землянке, обшитой досками. Ее освещала электрическая лампочка.

В землянке находилось двое военных. Один, в командирской шинели, с противогазом и полевой кожаной сумкой, стоял, прислонившись к стене. Другой, смуглый, курчавый, с черными усиками, с папиросой в зубах, сидел за маленьким столиком. На петлицах у обоих военных ребята заметили по два квадрата.

Военный с усиками поднялся.

— Это и есть ваши герои? — спросил он Жирова.

— Так точно, товарищ лейтенант.

Лейтенант посмотрел на ребят и слегка улыбнулся.

Большая черная кепка Славы так низко съехала на лицо, что из-под нее виднелись только нос да подбородок. С рукавов его бушлата и с Мишиного пальто стекала вода. Чулки, штаны и ботинки ребят были перепачканы глиной. Оба стояли притихшие, неподвижные.

— Воевать, говорите, собрались? Да?

— Воевать, — донеслось из-под кепки.

Лейтенант повернулся к военному у стены:

— Что ж, дежурный, снаряжай с ними связного — да в город.

Ребята огорченно переглянулись.

Тот, кого лейтенант назвал дежурным, задумчиво постукивал папиросой по портсигару.

— В город-то, в город, — сказал он медленно, — ну, а дальше что? Родители их выехали. Детские учреждения эвакуированы. Куда связной с ними денется?

Лейтенант прошелся по землянке, заложив руки за спину.

— Гм! Это, положим, неизвестно, уехали или не уехали. Возможно, что герои удрали из дому, а их теперь ищут по улицам.

Он остановился перед Славой и поднял козырек его кепки.

— Ну-ка, друзья, выкладывайте правду: удрали?

— Вовсе мы... — начал было Слава.

Но лейтенант перебил его:

— Стоп! погоди! Вы пришли в армии служить. Так? И вот с первой же встречи врете командиру. Зачем нам такие бойцы, которые обманывают командиров? Нет! Вы уж лучше говорите начистоту: из дому удрали?

— С поезда, — чуть слышно ответил Слава.

— Мы с поезда удрали, — повторил Миша.

— Ну вот! Это другой коленкор!

Лейтенант снова прошелся и стал перед дежурным.

— Ну и денек! Что ни час, то новая морока! — Он помолчал. — Что ж, оставить их пока на свою ответственность, да и доложить майору? Или попадет? Чорт его знает! Может, и попадет. Но куда их девать? По городу уже два часа жарят, а здесь пока тихо.

Лейтенант задумался. Ребята стояли не двигаясь, только изредка переглядывались.

— Ладно. Жиров!

— Я вас слушаю, товарищ лейтенант!

— Отведите их к телефонистам. У них место есть. Придется старшине сказать, чтоб зачислили их на довольствие.

Пробираясь ощупью по темному ходу, ребята в восторге щипали и толкали друг друга. Слава громко шептал:

— Понимаешь, что значит «зачислить их на довольствие»? Это значит — приняли. Значит — все, готово!

Они попали в другую землянку, освещенную лампочкой потусклей. Здесь вдоль стены шли нары, на которых, завернувшись в шинели, спало человек восемь красноармейцев. Посреди землянки стояла железная печь. Было тепло и немного душно.

Жиров указал на свободный топчан справа от двери:

— Давайте ложитесь здесь. Сейчас ужинать вам добудем. И чтоб тихо было! Люди спят.

Он хотел уйти, но тут один из красноармейцев проснулся, сел, обхватив колени руками, и уставился на ребят, подняв светлые брови на розовом лице.

— О-о? Що це таке?

— Пополнение вам. Теперь, Очередько, пропал Гитлер.

Жиров ушел, тихонько прикрыв дверь. Очередько был так удивлен, что растолкал своих ближайших соседей. Через минуту вся землянка проснулась. Со всех сторон на ребят смотрели удивленные улыбающиеся лица, со всех сторон сыпались вопросы и восклицания:

— Как же это вы сюда добрались?

— Убежали? Вот шельмецы!

— Мамки-то ваши где?

Видя, что никто здесь на них не смотрит строго, что все рады их появлению, ребята ободрились. Они сняли с себя промокшую верхнюю одежду и теперь сидели на нарах и болтали безумолку. Они рассказали о том, как задумали побег неделю тому назад, но потом отложили его до отъезда, чтобы родные не застряли из-за них в городе. Рассказали, как им удалось в последний момент незаметно выскочить из вагона, как пробирались они по городу, небрежно упомянули о снарядах, которые рвались «совсем-совсем рядом».

Миша при этом заметил, что у него, наверно, осколком выбило из рук портфель.

Красноармейцы, слушая их, веселились так, словно не было войны, не было немцев, не было гула канонады, который временами приглушенно доносился сюда.

Неожиданно открылась дверь. В землянку вошел статный военный, держа в руках по котелку, а подмышкой — большой кусок хлеба.

— Где тут наши добровольцы? Получайте!

— О це важные у нас вояки, — заметил Очередько. — Сам старшина им вечерю нэсэ.

Ребята поблагодарили и принялись за щи, смешанные с гречневой кашей.

— Далеко отсюда до передовой? — осведомился Слава, пережевывая хлеб.

— Та це ж она и есть передовая! Метров тридцать чи сорок пройдешь — от тебе и немец.

По дружному смеху бойцов ребята поняли, что Очередько шутит, что до передовой еще очень далеко. Они замолчали, обиженные на такое несерьезное к ним отношение. Устав смеяться, приумолкли и красноармейцы. И тогда в землянке заговорил негромкий голос, которого мальчишки до сих пор не слышали:

— Так-так! Ну, вот что, молодые люди. Разрешите мне задать вам один вопрос.

На топчане по другую сторону двери лежал худощавый человек с очень длинным носом. Приподнявшись на локте, он шурил на ребят, как видно, близорукие глаза и улыбался тонкими бесцветными губами.

— Какой вопрос? — спросил Слава, не переставая жевать.

— Вот вы желаете воевать с немцами, защищать родину. Что ж! Стремление похвальное. Но представьте себе, что все лица вашего возраста побросают школы и отправятся на фронт. Представьте себе, что война продлится года три-четыре. Сколько разведется тогда в стране безграмотных недорослей, из которых нельзя будет сделать ни инженеров, ни ученых, ни хороших командиров! Вы подумали об этом?

— Ого! Вот заковыка, так заковыка! — сказал Очередько. — Зараз побачим, шо они кажут.

Бойцы опять засмеялись и уселись поудобней на нарах, поглядывая на ребят. Те молчали, озадаченные, поставив котелки на колени, устремив глаза в пространство.

— Ну! Валяйте, начинайте диспут, — сказал кто-то.

— Очень просто! — вдруг ответил Миша. — Этого вовсе не может быть.

— То есть чего не может быть?

— Чтоб все ребята ушли на фронт.

— Почему же? Все ребята ненавидят немцев. Вы вот убежали.

— Мы убежали, а все не убегут. У одних ребят такой

характер, что они хотят учиться, а у нас такой характер, что мы хотим воевать.

— Значит, по-вашему, у кого какой характер, кто чего хочет, так и делает?

— Ну да.

Их собеседник повернулся и лег головой на противогаз, подложив под затылок ладони.

— Странно! — сказал он задумчиво, глядя на потолок. — А вот у меня, например, такой характер, что я совсем не чувствую призвания к военной жизни. Что вы на это скажете?

Ребята молчали. Им стало как-то неловко за человека, который сам про себя говорит такие вещи. Это было все равно, как если б он сказал: «А я вот, братцы, трус».

— Н-не знаю... Конечно, всякие бывают характеры, — уклончиво ответил Слава.

— Да. Никакого призвания. Я с детства только и мечтал о том, чтобы стать изобретателем. Перед войной работал на заводе, учился в заочном институте, думал сделаться инженером. — Он вдруг повернулся к ребятам и снова приподнялся на локте. — Вы знаете, чем я хотел заниматься? Слышали что-нибудь о передаче энергии на расстояние?

— Знаем. По радио, — сказал Слава.

— Совершенно верно. И вот представьте себе: есть у вас велосипед, а на нем — маленький приемник и электромоторчик. Сели вы на велосипед, повернули рычажок и едете хоть до самой Москвы без всякого горючего, без всяких проводов. Неплохо? Да? Ну, а теперь пришла война, и я вот не изобретаю таких велосипедов, а служу в армии, и неплохо, говорят, служу. Что вы на это скажете?

Ребята не ответили. Они молча рассматривали этого странного человека. Его остриженная под машинку голова с длинным носом и тонкой шеей, торчавшей из расстегнутого ворота гимнастерки, походила на голову птицы. Совсем не шла к нему военная форма.

— Колы б мы не воювали, немец от таким пацанам жизни бы не дал, — заметил Очердько.

Изобретатель повернулся лицом к стене и зевнул.

— По-моему, ребята, если уж началась война, если на твою родину нападают, ты уж должен делать не то, что тебе хочется, а то, что нужно делать. Ну, кончим нашу дискуссию, а то и поспать не удастся.

Красноармейцы улеглись и затихли. Легли и ребята, накрывшись чьей-то плащ-палаткой. Где-то продолжали раздаваться выстрелы. Откуда-то, вероятно из соседней землянки, то и дело доносился писк телефонного зуммера и монотонный голос:

— Калуга слушает. Чего? Даю Луну. Алло! Марс! Алло, Марс! Калуга говорит. Двести десятый у себя? Дайте его.

— Слава! Слав! — прошептал Миша.

— Что?

— Слава, вот бы нам такой велосипедик! Правда?

— Ага. А еще лучше — лодку моторную.

Ребята повернулись друг к другу спиной и больше не говорили, но долго еще не могли заснуть. Впервые Славе ясно представились его мама с бабушкой, растерянные, плачущие, в переполненном темном вагоне, а Мише вспомнилась его мама, одинокая, без папы, который уехал на фронт, и вот теперь без Миши, ее единственного сына.

Миша часто задыхался, сдерживая слезы. Слава услышал это и притворился, что спит.

* * *

Ребята проснулись потому, что кто-то расталкивал их и покрикивал:

— Эй! Друзья! Подымайсь!

Над ними стоял красноармеец в шинели, с винтовкой.

— Лейтенант приказал вам одеться и быть наготове. Никуда без приказа не выходить. Вот. Завтракайте.

Он поставил на нары котелки, положил хлеб и вышел.

Мальчики сели, моргая заспанными глазами. Только через некоторое время они проснулись окончательно и вспомнили, где находятся.

Землянка была почти пуста. Лишь незнакомый боец, которого мальчики ночью не видели, спал, не сняв шинели, не расстегнув ремня с подсумком. Тяжелый, почти непрерывный гул шел, казалось, откуда-то из-под земли. Доски на нарах вздрагивали. Временами за дверью слышались торопливые шаги, редкие, отрывистые голоса.

Мальчикам стало тревожно и вместе с тем весело. Натягивая еще не просохший бушлатик, Слава проговорил:

— Что-то там, наверху, делается особенное. Да, Мишка?

— Знаешь чего делается, Слава? Наверное, бой идет.

Они оделись и сели рядом, один с мешочком за спиной, другой с портфелем в руках. Голоса и шаги в проходе затихли. Только голос телефониста, быстрый, напряженный, четкий, продолжал доноситься в землянку:

— Марс! Марс! Алло, Марс! Дайте сто четырнадцать!
Калуга слушает! Есть, товарищ лейтенант. Марс! Алло,
Марс!

Слава прыгнул на пол, чуть приоткрыл дверь, прислушался и снова закрыл ее.

— Никого нет, — сказал он.

Миша пристально посмотрел на него.

— Слава... Как ты думаешь, зачем нам велели одеться и быть наготове?

— Откуда я знаю, зачем!

— Слава! А вдруг нам задание хотят дать?

— Какое еще задание?

— Ну... ну, донесение какое-нибудь отнести.

— Держи карман! Так и дадут донесение незнакомому человеку!

Они замолчали. Томительно ползли минуты, десятки минут, а за ребятами никто не приходил. Гул снаружи усилился. Иногда землянка содрогалась так, что лампочка, висевшая под потолком, начинала покачиваться. Спавший красноармеец вдруг сел на нарах, прислушался и вышел за дверь, даже не взглянув на ребят.

Приподнятое настроение у мальчиков прошло. Им стало тоскливо и немного страшно. Что делается там, наверху? Поче-

му все так возбуждены? Почему никто не обращает на них внимания, как будто все забыли о них?

И тут ребята заметили, что телефонист тревожно, громко уже несколько минут повторяет один и тот же призыв:

— Марс! Алло, Марс! Марс! Марс!.. Марс!.. Алло! Марс!..

Наступила пауза. Потом негромко прозвучали слова:

— Марс не отвечает, товарищ лейтенант. Да... Похоже, что перебита, товарищ лейтенант. Есть, товарищ лейтенант!

— Слава! А, Слава! — сказал Миша.

— Чего?

— Слава, что такое «Марс»?

— Планета, конечно.

— Я не про то. З д е с ь что такое «Марс»?

— Здесь? — Слава подумал. — Название какое-нибудь секретное. Может быть, штаб так называется.

— И он теперь не отвечает?

— Не отвечает.

Ребята придвинулись друг к другу поближе.

— Слава, а вдруг... вдруг оттого, что он не отвечает, все пропало?

Слава угрюмо смотрел на носки своих калош.

— И очень даже может быть, — сказал он медленно.

— И, может быть, немцы ворвутся сюда?

— Может, и ворвутся. Может, нас и перебьют здесь всех через полчаса.

После этого они долго сидели, почти не разговаривая, неподвижные, настороженные, прислушиваясь к голосу телефониста, напрасно стараясь уловить в его отрывочных фразах что-нибудь утешительное.

Так прошло часа два, а может быть, три. И тут новая неожиданность обрушилась на ребят. Электрическая лампочка, горевшая все время не мигая, вдруг погасла, и в землянке наступил кромешный мрак. В первую минуту приятели не двинулись, не шелохнулись. Потом Слава прерывающимся голосом позвал:

— Мишка! Миша! Ты... здесь?

— Слава, я здесь... Слава, знаешь чего? Слава, пойдем отсюда... А, Слава?

Слава не ответил.

— Слава, пойдем знаешь куда? Ну, хоть к лейтенанту пойдем. Скажем ему что-нибудь... Пусть он нам хоть задание какое-нибудь даст... Слава, уж лучше там, наверху, погибать, чем здесь, как мыши. Уж если воевать, так воевать. Пойдем, Слава!

По проходу кто-то пробежал. Слава дотронулся до Мишиной руки:

— Тихо! Слышишь? Может, за нами.

Оба затихли.

Открылась дверь. Взволнованный голос крикнул в темноте:

— Сержант Смирнов здесь? К лейтенанту!

Обескураженные приятели молчали.

— Нет его, что ли?

Шаги удалились. Прошло минуты две. Что-то особенно тяжело грохнуло наверху. Слава спрыгнул с нар.

— Пойдем!

Несколько секунд они пыхтели, застряв в узкой двери, в которую сунулись одновременно, и наконец выскочили в ход сообщения. Здесь было почти так же темно. Лишь где-то далеко слева пробивался слабый дневной свет. Ощупывая руками глиняные стены, Слава пошел в ту сторону. Миша двигался за ним, держа за его бушлатик.

Вскоре они заметили дверь, открыли ее и очутились в землянке лейтенанта. Там горел фонарь «летучая мышь». Лейтенант стоя разговаривал с двумя незнакомыми командирами. Все обернулись и посмотрели на ребят.

— Ну! Что вам здесь нужно? — резко спросил лейтенант.

Приятели молчали и не двигались. Только Миша в растерянности покачивал портфелем.

— Кто вам позволил выходить из землянки? — почти крикнул лейтенант. — Почему шатаетесь без разрешения?

Слава открыл было рот, чтобы заговорить, но тут в дверь постучали.

— Войдите! — сказал лейтенант.

Через высокий порог переступил тот самый изобретатель чудесного велосипедика, с которым познакомились этой ночью ребята. Сейчас, стоя во весь рост, он казался таким нескладным в широкой шинели, с обмотками на тонких ногах и в больших солдатских ботинках...

— Сержант Смирнов по вашему распоряжению явился, товарищ лейтенант, — сказал он негромко, отдав честь.

Лейтенант больше не смотрел на мальчиков.

— Так. Хорошо. У нас прервана связь с Марсом. Возьмите с собой двух человек и восстановите связь.

Вытянув руки по швам, изобретатель повторил:

— Приказано взять двух человек и восстановить связь с Марсом.

— Правильно. Вы знаете, что Горчаков не дошел?

— Знаю, товарищ лейтенант.

— Идите. Исполняйте.

Снова отдав честь, изобретатель четко повернулся и вышел, слегка запнувшись на пороге.

Лейтенант опять обратился к ребятам:

— Марш в землянку! И не шататься у меня! Ясно?

Ребята поспешно выбрались за дверь и вернулись в свою землянку. Там было попрежнему темно, однако мальчики уже успокоились.

По спокойным лицам военных в землянке у лейтенанта они поняли, что сражение идет где-то далеко и нечего бояться, что немцы вот-вот ворвутся в их подземное жилище.

Мальчики еще долго болтали, сидя в потемках, и наконец почувствовали, что очень устали от пережитых волнений и совсем не выспались за эту ночь. Они прилегли. Через некоторое время оба посапывали спокойно и ровно.

Слава проснулся через несколько часов. В темной землянке пахло махоркой. Было душно. На разные голоса храпели красноармейцы. Слава повернулся на другой бок. И уже сквозь сон услышал голос телефониста:

— Алло! Марс! Сколько у вас времени? Мои стоят.

Мальчиков разбудил окрик:

— Вояки! Завтрак проспите!

Под потолком горела «летучая мышь». Бойцы сидели на нарах, грея ложками в котелках. Все засмеялись, когда ребята вскочили, удивленно оглядываясь. Слава как лег, так и проспал всю ночь, не снимая бушлата и мешка. Миша спрыгнул с нар и тут же схватил свой портфель.

— Что ж это вы! Проспали немцев. Теперь они километров за двадцать пять отсюда. Как теперь догоните? — шутили красноармейцы.

Приятели набросились на завтрак. За весь вчерашний день они почти ничего не ели. С ними пробовали шутить, расспрашивали их, но мальчики отвечали односложно, все еще переживая вчерашний день.

Миша заметил, что противоположные нары пусты, и спросил:

— А... а где тот, который вот здесь лежал, изобретатель?

Сразу в землянке стало тихо. Лица бойцов сделались серьезными.

— В отпуск ушел, — не глядя на ребят, сказал один красноармеец.

— В бессрочный, — добавил другой. Лоб его был перевязан свежим бинтом.

Ребята почувствовали недоброе и замолчали. Молчали и красноармейцы. Один только Очередыко пробормотал:

— Добрые были хлопцы.

Мальчики поняли, что изобретатель погиб, и погиб, быть может, исполняя приказ лейтенанта. Они отложили ложки. Есть больше не хотелось. Красноармейцы вскоре ушли, а они еще долго сидели молча, глядя на пустые нары, где лежали две потрепанные книжки и забытая жестянка с табаком.

— Вот тебе и изобрел велосипедик! — проговорил наконец Миша.

— Погиб, а связь восстановил, — сказал Слава.

Когда-то в кино ребята видели черные столбы дыма и земли

от рвущихся снарядов. Недавно они слышали грохот разрывов настоящих снарядов и авиабомб и видели развороченные фугасками дома. И сейчас они думали об этом странном человеке со смешным носом, с тонкими ногами в обмотках, который так спокойно ушел по приказу командира куда-то туда, где вздымаются эти черные столбы, взлетают на воздух раздробленные камни, валятся огромные деревья. Они вспоминали каждое его слово, каждое движение.

— Слава... А помнишь, как лейтенант сказал ему: «Горчаков не дошел. Имейте это в виду». Наверное, Горчакова этого тоже убили.

— Ага. И, значит, он знал, что, может быть, сам погибнет.

— Слава... и он даже глазом не моргнул. Приказал командир — он отдал честь и ушел.

— Да. А еще говорил, что у него призвания нет воевать.

Ребята помолчали немного. Вдруг Слава спрыгнул на пол:

— Мишка!

Миша подбежал к нему.

— Мишка! Дай честное слово... дай самое страшное честное слово: что бы ни случилось, мы до конца войны с фронта не уйдем.

— Слава, даю честное слово! И знаешь что, Слава? Давай будем мстить немцам за изобретателя.

— Давай! Пусть мы погибнем, пусть! Все равно мы из армии не уйдем.

— Не уйдем. Слава, пошли опять к лейтенанту. Пускай он нам даст какое хочет задание. А не даст — пойдем дальше, на самый передний край.

Слава задумался.

— Нет, не надо, — сказал он, — нужно дисциплину соблюдать. Он сам нас вызовет. Что нас, даром, что ли, будут кормить!

Когда в землянку пришли красноармейцы на обед, Слава спросил одного из них, не может ли он сходить к лейтенанту, сказать, что им надоело сидеть без дела, что они хотят получить какое-нибудь задание.

— Э-э! — протянул тот. — Вы насчет этого не опасайтесь,

ребята. Лейтенант про вас не забудет. Он только еще не решил: то ли роту вам дать, то ли батальон.

Слава уныло отошел от него. Миша прошептал:

— Ну их! Лучше не говорить. Только и знают, что насмеются.

Очень долго тянулось время. Даже вчера они не так томились, как сегодня. При каждом шуме за дверью они вскакивали, думая, что это идут за ними. Но подошел ужин, а никто их не звал.

— Шо? Еще не получили задания? — удивился Очередыко, входя с товарищами в землянку. — Як же так! Лейтенант мне казав, шо гадае вас в разведку назначить.

Ребята промолчали. Сердца их сжалось. Правду говорит этот Очередыко или опять шутки шутит?

Поужинали. Бойцы поиграли в шашки, поболтали и улеглись. Легли и ребята, надеясь, что хоть завтра кончится их ожидание. Они закрыли глаза и лежали совсем тихо, стараясь поскорее заснуть.

Но тут скрипнула дверь, вошел бравый старшина и сказал громко и весело:

— Ну! Герои здесь? К лейтенанту. Живо!

Как подброшенные, вскочили приятели.

Лихорадочно оправляя рубашку, Слава спросил:

— Зачем? Не знаете, зачем?

— Не знаю. Видно, задание какое боевое.

Бойцы проснулись.

— Скорей, скорей, ребята! — кричали они. — Пояса подтяните. Чтоб заправочка была!

— Вы знаете чего? Вы, как войдете, так руку к головному убору, станьте в положение «смирно» и скажите: «Товарищ лейтенант! По вашему приказанию боец такой-то прибыл». Поняли? Во! Наш лейтенант дисциплину любит.

Ребята вышли за дверь.

— Эй! Эй! Кепки-то забыли! К пустой голове руку не прикладывают!

Мальчики вернулись, схватили кепку и шапку. Шагая по темному ходу за старшиной, Миша взволнованно прошептал:

— Слава! Давай знаешь чего? Давай станем на то самое место, где вчера изобретатель стоял. Хорошо?

— Хорошо!

Они вошли в землянку. Там, кроме лейтенанта, был еще один военный. Миша покосился и стал на то место, где вчера стоял сержант Смирнов.

— Товарищ... товарищ лейтенант... по вашему приказанию боец Розанов явился, — тонким, дрожащим голосом проговорил Слава.

— Боец Снегирев явился, — пролепетал за ним Миша.

Лейтенант, сидевший за столом, улыбнулся и переглянулся с товарищем.

— Отправляешь? — негромко спросил тот.

— Отправляю.

— Здорово нагорело?

— Хватает. — Лейтенант просмотрел какую-то бумажку. — Так вот, друзья. Мы навели справки. Ваши родители сошли на станции Гремихино и разыскивают вас. Сегодня туда идет наша машина. Оденьтесь, соберите вещи. Шофер за вами зайдет.

Прятели остолбенели.

— Товарищ... командир... мы... мы хотим в армии служить, — еле выдавил Слава.

— Мы на фронт... — начал было Миша.

Лейтенант вдруг поднялся.

— Вы хотите в армии служить? — сказал он громко.

— Да. Мы хотим, чтоб...

— Вы меня называете командиром. Так?

— Да. Мы...

— А знакома вам воинская дисциплина?

— Мы... нам знакома.

— А вам известно, что приказ командира — в армии закон?

— Известно, — еле слышно сказал Слава.

— В таком случае, смиренно!

Лейтенант выпрямился. Ребята вздрогнули и застыли, вытянув руки по швам. Пристально глядя на них, лейтенант заговорил медленно и отчетливо:

— Приказываю вам собрать вещи к двадцати трем часам ноль-ноль и ехать к мамам. Повторите приказание!

— Собрать вещи... и ехать к мамам, — тихо сказал Слава.

— Вещи... и ехать к мамам, — почти прошептал Миша.

— Кру-гом!

Секунды три приятели стояли неподвижно на том самом месте, где стоял вчера сержант Смирнов. Потом они вздохнули судорожно, посмотрели друг на друга, повернулись кругом и оба молча зашагали к двери.

X

~~28926~~

~~old p. 8~~

